

Михаил Огарев

Страсти в неоримской Ойкумене — 2

Историческая
фантазия

Михаил Огарев

**Страсти в неоримской Ойкумене
– 2. Истериическая фантазия**

«Издательские решения»

Огарев М.

Страсти в неоримской Ойкумене – 2. Истериическая фантазия /
М. Огарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850940-7

«Не живите в мире, которого нет!», «Не жалейте о прошлом!»,
«Подчиняйтесь новым законам, которые диктует вам Время!» — эти властные
призывы несутся отовсюду. С ними покорно соглашаются. А вот двое
отказались. И силой воображения создали, как им думалось, необычный,
яркий облик для скучной реальности. Она в обличье служанки с душою
Принцессы. Он — непонятно кто, с внешностью и манерами Принца.
А кругом то ли люди, то ли оборотни с мёртвой хваткой. И в покинутое
уютное Зазеркалье уже не вернуться...

ISBN 978-5-44-850940-7

© Огарев М.
© Издательские решения

Содержание

Позиция третья. За четыре месяца до Трагедии	6
Белые фигуры: Когда пешка в опасности...	6
1	6
2	13
3	18
4	23
5	29
Чёрные фигуры: Шёпот Цирцеи	33
1	33
2	38
3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Страсти в неоримской Ойкумене – 2 Истерическая фантазия

Михаил Огарев

© Михаил Огарев, 2017

ISBN 978-5-4485-0940-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сыграем в шахматы, в шатрандж?
Забудь враньё про спуск в Аид.
Сведёшь вничью – тебе карт-бланш
Ещё на все двенадцать ид.

Про твой успех не говорим:
Пусть та игра – не тот игрок!
В крови закатной вечный Рим,
И в темноте без звёзд Восток.

Сыграем? Нравишься ты мне.
Хотя, как все, и обречён.
Не жди Харона на челне:
Теперь здесь я: плащ, капюшон

И нечто острое над ним...
Богов здесь ваших больше нет.
Сменили веру – в прах и в дым!
Пора начать: твой чёрный цвет.

Авторское

Позиция третья. За четыре месяца до Трагедии

Белые фигуры: Когда пешка в опасности...

1

Едва я и Леонтиск совместно взялись за кроссворд с последней страницы официальной городской газеты «Равнение на Рим!», как в зале грохнуло. И славно грохнуло – стекла задребезжали! Потом стало подозрительно тихо. Мой напарник слегка приподнял нахмуренные брови.

– «Отопустик» взорвался? – вежливо поинтересовался он. – Как некстати...

Нет, что ни говори, а приятно наблюдать за морально переродившимся человеком, причем не без моей помощи. Полгода назад Лео подскочил бы, как шиш на пружинке (игрушка-дразнилка такая – открываешь красивую коробочку, а из нее...), и ринулся бы искать, выяснять и всячески реагировать. А вот сегодня и усом не ведет, и бородкой тоже. И правильно делает: во-первых, глобальную катастрофу своими силами уже не исправишь, а во-вторых, нашей вины в случившемся не отыщет самая наираспридирчивая комиссия. Ну а посторонние на рабочем месте фиалы с недопитым чаем и недочитанная газета устраняются несколькими элементарными движениями.

– Сигнализация ведь не орёт? Значит, ничего страшного! – бодренько предположила я. – Если, конечно, оралка не накрылась при взрыве...

Минут пять мы увлеченно обсуждали, с какой стороны он прогремел: я стояла за участок возле третьего дымососа, а Леонтиск настаивал на совершенно противоположном направлении – у мастерской. Наш сбивчивый треп прервало очередное могучее сотрясение воздуха за стеной, которое и помогло мне убедиться в своей неправоте.

– Коли так, то тебе и выяснять! – я поспешила уклониться от участия в расследовании. – Только, пожалуйста, без рукоприкладства и непристойных выражений!

Благословив моего героя на подвиги, я вытянулась на диванчике, что помогло достать ножкой скрипучую дверь и прикрыть ее. Сладко потянувшись, я поправила на бедрах халатик и стала гадать, какая птичка семейства воробьиных издает звуки «чик-чирик!» Из семи букв.

Лео скоро возвратился и с трофеем. К сожалению, не совсем пристойным, ибо между его пальцев свисала медицинская резиночка, предназначенная для регулирования деторождения и защиты от коварных болезней. Увы, первое мне не грозило.

– Эта штучка и вправду может привести к взрыву! Демографическому, – я глуповато хихикнула. – Если с дефектом да при массовом распространении!

– А вот и не только. Именно она сейчас и бабахнула. И до того!

– Шутить изволите?

– Отнюдь! Ввиду отсутствия начальства и присутствия меланхолического настроения, то и дело переходящего в черную скучишу, не обремененный работой спец наш, Самсоний Сычий, надувает эти резиновые колпачки горючей смесью, завязывает и пускает летать. А затем стреляет по ним из боевого лука. Что происходит при попадании – мы слышали.

Да, такое вполне в духе Самсония. И ндрав свой вольный потешить, и нервы другим потрепать...

– Система же работает безукоризненно. Как и предполагалось.

Лео закончил свой отчет и сел, привалившись к моему плечу. Подумал и накрыл мне лицо газетным листом – я не шелохнулась.

Немного подождав, надо мной сжалились, сняли и спросили:

– Погружена в раздумье? А над чем?

Я сокрушенно поделилась. Для напарника это не было проблемой.

– Семь букв? «Синичка»? – жизнерадостно воскликнул он и тут же погрузился: – Нет, уменьшительно-ласкательное имя нельзя.

– Само собой...

– Ну, тогда это он и есть!

– А в чем хитрость? И вообще смысл? – удивилась я. – Воробей из отряда воробьиных... тавтология! Глупистика!

– Может, кроссворд юмористический?

– Не похоже. Вот, например: «На каком языке кричал Гай Юлий Цезарь в момент его убийства»... Как видишь, вопрос очень серьезный!

– Угу. Но нетрудный. Либо латинский, либо греческий – не иврит же. Проверь-ка по буковкам! Подходит?

– По девяти там и там – этот, который еще и врет, не в счет. Постой, надо сопоставить с уже найденным словом по вертикали!

– Давно пора! Итак... «греческий»? Дай запишу.

Скрипнуло гусиное перо, зашуршал свиток. И зазвенела сигнализация...

Вскочили одновременно оба и, как обычно, столкнулись в дверях. А вот дальше действовали на редкость согласованно: Леонтиск заторопился к щиту, я стремглав понеслась к третьей отопительной установке. Самой отдаленной.

Долетела, кинула вверх взгляд – и в прыжке ребром ладони отвела «молоточек». Как раз вовремя: через секунду щелкнул высвобожденный рычажок зацепления.

Перепитка. Либо случайность, либо с этого всё и начинается. Тоска болотная и барахтанье в соответствующей тине...

Примерно, через часок, когда миновало время, отведенное ремонтникам на официальный обед, стало ясно, что водить выпало нам. И в переносном смысле, и в прямом.

– Пойди, приведи кого-нибудь, – попросил меня Лео и вздохнул. – Желательно, потрезвее.

В ремонтницкой стоял дым коромыслом, на которое я демонстративно попыталась повесить подобранный в углу плотницкий топорик. Он прорвал сизый дымовой пласт и упал на пол, вдребезги расколов кафельную плитку. Мелкие осколки угодили в затылок спавшему неподалеку Локисидису, но не разбудили.

Своим хулиганством я никакого внимания к себе не привлекла. Мужчины спорили об экономической политике правительства и о том, как быть с внешним долгом. Гаммий не хотел отдавать ни в какую, Шлеппий настаивал на честности и цивилизованности, Арбузий предлагал поторговаться. Сычию, как водится, было и «по», и «до», поскольку лично ни с какого боку не касалось.

Слегка поработав веничком, я придирчиво оценила степень увлеченности каждого из спорщиков и, сочтя ее наименьшей у Филиппия, подергала его за рукав. Он почему-то решил, что с ним заигрывают, и флигельно обхватил мою талию со стороны спины. Это я перенесла стоически, но от попытки усадить на колени пришлось защищаться физически.

– С чем пожаловала, о драчливая дриада? – спросил отвергнутый бригадир. Сравнение с лесной нимфой меня неизвестно отчего задело, что отразилось в обиженном восклицании:

– Неужели я так похожа на щепку?

Спор моментально прекратился – парни принялись пристально ощупывать глазами мою фигурку. Наконец, Центаврус задумчиво подытожил:

– Налицо явная возрастная закомплексованность, помноженная на зависть к мифологическим персонажам, которые злонамеренно, хотя и опосредованно, принижаются... Грация,

ты не хочешь скинуть свой балахон, а? Если совсем разденешься – будет еще лучше! Тогда мы с подобающей точностью сможем определить степень сходства твоих обнаженных форм с любой выбранной наугад древесиной!

– Ежели самой лень снимать и стаскивать, так любой из нас поможет! – невозмутимо добавил Сычий.

От неожиданного смыслового поворота у меня отнялся язык. В ожидании, пока он вновь обретет чувствительность, я закурила чьи-то «Спартанские», которые без спроса взяла со столика. Это живо действовало: рот до отказа наполнился слюной, а межзубное пространство распухло и заняло. Каково было бедным легким, и говорить не стоило.

Мужественно переборов приступ чахоточного кашля, я гнусаво заявила:

– Противный Сергей, считай, что ты уже заработал две а-а-аглушительные пощечины! Одну за бестактнейший намек на мой возраст, вторую – за наглое предложение публичного стриптиза! Просто невероятно, сколь быстро твой кобелиный интерес переметнулся с имперского долга на интересную девку!

– Нет, а кто спровоцировал... – начал было Шлеппий с подъёмом, но шанса выкрутится я ему не предоставила:

– Упреждающий удар? Не выйдет! Ты должен быть наказан, а посему сей момент пойдешь со мной! И не на интимное randevu, а к «отопустику»! Который безбожно перепитывается! Кстати, судя по сложной конструкции твоего высказывания насчет моих форм, ты сегодня трезв, как никогда. Верно, мальчики?

Мой провокационный расчет оправдался на все сто. Довольные, что не их позвали работать, Филиппий и Аркадий дружно закивали, а наш спец по соединениям-разъединениям сообщил любопытную подробность:

– Сергей с начала января ничего, кроме пива, не употребляет – христианство принял. Не иначе, как по пьянке!

– А вот и нет! В результате драматических событий! Конечно, сперва без канарского рома не обошлось, но зато потом...

– Так-так! А поконкретнее?

Сергей выудил из-за пазухи здоровенное распятие, сделанное из старинной серебряной монеты, звучно чмокнул его в область поясницы и зашвырнул назад. Уселся поудобнее и приосанился.

– А надобно вам знать, – велеречиво начал он, – что ужрался я под сочельник до невозможной степени. До пороссячьего разговора. До плавающих сизых попугаев и летающих мохнатых рыб. Но на ногах, как это ни странно, держался и даже поступательно перемещал их. И вели они меня, естественно, на поиски доступной бабы...

– Когда дойдешь до описания изысканной эротической сцены с подобравшей вашу милость жрицей любви, то не переходи, пожалуйста, на нецензурный лексикон, – кротко попросила я.

– Ах, что она пищит! Сам неоднократно подслушивал, как ты, Шуреира и Натаха Вертения обмениваетесь кракозябрами! По всему матерному диапазону! – оскалился Шлеппий. – Ладно, сделаем скидку на разнополое общество... впрочем, мне сквернословить уже и не подobaет. Не перебивай больше! Ташусь я, значит, мимо городского рынка, где завсегда можно снять относительно чистенькую кралю, но никого из них почему-то не прельстил. Видно, вообразили, дуры, что работяга в подобном состоянии ни на что не способен! Я тогда стал цепляться к приличным, одиноким горожанкам, но опять-таки без толку: либо визжат, как очумелые, либо сразу сумочкой по роже. Шестая по счету кисуля заехала мне по чавке о-о-очень прилично – я удалился боком с ускорением, вмазался ухом в какой-то гладкий камень и на неопределенный временной период отключился. А когда пришел в себя, то выяснил, что держу в объятиях классную дамочку! Правда, мраморную.

Центаврус гордо обозрел заинтересованную, притихшую компанию и остался доволен. Глотнув чаю, он продолжил:

– Мне бы, дураку, сообразить, что нахожусь я позади южного выхода с базара в маленькой галерее, примыкающей к бывшему музею Одиссея Лаэртида, который недавно передали галилейской общине. И что лапаю одну из кариатид чуть поболее моего роста... Так нет же, в голову отчего-то втемяшилась мысль о ниспосланной мне свыше богине в облики статуи и о предназначении вдохнуть в нее временную земную жизнь путем... э-э... торжественного совокупления!

– В натуре сбрендил, – изрек Сычий. С ним не согласились:

– Невнимательно слушаешь! Я наглотался не бренди, а рому, о чём уже упоминал. Короче говоря, развязал я пояс, приподнял хламиду, прижался сзади к холодной, каменной красотке и занялся персонификацией...

– Новый тип извращенца! – громко произнес Сычий. – Не известного медицинской науке!

С этим выводом согласия тоже не последовало:

– Никакой сексопатологией, о недалекий Самсоний, здесь и не пахло! Кое-чем другим – да, но это после. Суть в том, что я испытал невероятный душевный подъем, который настолько увеличил мою мужскую силу...

Тут Шлеппий замолк, глянул в мою сторону и чуток покраснел. Понимая, что приблизился волнующий момент, где без сочных словечек обойтись трудно, я со вздохом пришла к нему на помощь:

– Итак, ты не кончал...

– Не менее десяти минут! С дополнительными секундами! – ликующе вскричал обрадованный поддержкой Центаврус и всё-таки не удержался от самопроизвольного движения бедрами. – Вот с места не сойти!

Я с натугой изобразила на своей мордашке похотливый женский восторг. Сергей расплылся в такой улыбке, которой позавидовал бы и клоун.

– Изогранный вариант мастурбации вижу, – (Сычий уверенно гнул свою линию). – Хамство тоже. Святых откровений пока что-то не замечаю.

– Дослушай, а потом гавкай! – внезапно озлился Шлеппий. – Меня же там прижало! Я в течение часа уйти не мог!

– То есть, как?

– Молча! Сколько ни старался! Застряла рука – и всё!

Слушатели благоразумно промолчали. Перекурив и немного успокоившись, Сергей возобновил свой рассказ, обращаясь исключительно ко мне:

– Про то, что угодил в дьяволовы лапы, я понял не сразу. Ну обтерся, спрятал, застегнулся... Прянул назад – ан нет! Правая ладонь, которой я тискал за титьки богиньку, обратно в щель между ней и стеной не лезет. Вот те крест!

– Спасибо, обойдусь, – я пресекла его попытку вновь полезть к себе за пазуху. – А христианский демон тут причем? Точнее, иудейский?

– А у тебя есть иное объяснение? Как вообще такое может быть: туда – «пожалте!», а оттуда – «постойте!»

– По-моему, в жизни именно так и случается. Сплошь и рядом.

– Но почему? Молчишь? Ага! Вот то-то!

– Чёткий вывод! – прищелкнул пальцами Арбузий. – Фил, насыпай... А неофиту – хрен!

– И не тянет! Я бы и с пивком накрепко завязал, да опасаясь, что сердечно-сосудистая насосная станция даст сбой. Да и отец Охлоний советует постепенно... А? Это мой спаситель и духовный наставник. Шел случайно мимо – дай Бог ему благ всяческих и здоровья могучего!

– И как он изловчился тебя освободить? – сухо спросила я. Сергей встал и благочестиво сложил ладони перед грудью:

– Молитвой! Главным образом, ею. Сперва расспросил, посочувствовал, укорил маленько. За плечо подергал, да куда там! Я взвыл от боли, заплакал... «Терпи, сын мой, терпи», – сказали мне и, помолившись истово, ухватили языческую идолицу за стан да ка-а-ак рванули на себя! Одно слово – бывший вышибала!

– Надо полагать, этот самый Охлоний ранее подвизался в кабаках?

– Не без того. Многие ревностные распространители самой передовой в мире религии в прошлом были распутниками, дебоширами или даже доносчиками. Тем веселее их моральное перерождение!

– Возможно, – сухо сказала я. – А не кажется ли тебе, что подобные грехи нужно скромно искупать всю оставшуюся жизнь, а не рваться, выпучив глаза, проповедовать? Ибо некрасиво как-то получается, когда в новое бытие тебя под локоть вводят бывшие распутники, дебоширы и delatores...

Шлепный приоткрыл рот и, не отводя от меня озадаченного взора, честно попробовал осмыслить сказанное. Не получилось.

За него это решил сделать Арбузий.

– А на каком основании? – неподдельно возмутился он. – Почему однажды совершенная ошибка, если следовать твоей логике, должна всю оставшуюся жизнь висеть над раскаявшимся человеком? Как дамоклов меч над гордиевым узлом?

Выдав это эффектное, но безграмотное сравнение, Аркадий неосторожно взмахнул рукой и порядком расплескал налитое в фиалу пойло. Под сочувственные взгляды мужчин он торопливо заглотнул остаток, а вместо закуски обвинил в собственной неуклюжести... меня! Его тотчас поддержали невразумительным, но дружным ворчанием.

– С больной задницы на здоровую? – весьма рискованно выдала я и, не медля, перешла в наступление: – Приведу понятную для ваших жалких мозгов аналогию! Живодер, долгое время убивавший собачек и по какой-либо причине утративший к данному занятию интерес, не имеет морального права выступать на широкой публике с проникновенными речами в защиту бедненьких шавок и мосек! И уж тем более – с обличительными речами в адрес своих бывших коллег по живодерному цеху! Устраивать брошенных зверюг в благотворительные приюты – сколько угодно! Подкармливать их за свой счет – несомненно! Но тихо! Без помпы и рекламы! Тогда и произойдет искупление вины! А не очередное подспудное самоутверждение под благими, модными лозунгами!

Ух, на меня и накинулись! Ох, мне и досталось... Отовсюду. Я, как могла, отбивалась.

– Искренний порыв отрицаешь, негодница?

– А вот и не верю! Ни на капелюшечку!

– Ах, она не верит! А про мытаря, который возненавидел свое низкое ремесло под воздействием проповедей, слыхала? Про мытаря, как там бишь его...

– Не сподобилось!

– Кто бы сомневался! Теперь насчет животины... Значит, ежели я возненавижу есть свинину и возлюблю всем сердцем свинью как таковую, мне уже и единомышленников поискать нельзя? Дабы бесповоротно их перевоспитать на собственном героическом примере?

– Кто бы возникал! А чем ты сейчас выпивку заедаешь, чем? Свинолюб нашелся!

– А сам великий Павел Тарсианин? Его жизнь – это ли не пример самоотверженного перерождения...

– ...из гонителя в учителя? И не стыдно?

– Молчи, женщина! У него же огромная внутренняя энергетика была! Разве ее одним покаянием исчерпалась? Только апостольскими деяниями! Возвышенным миссионерством! В самом Риме люди прониклись! И не чета нам с тобой!

– Нечестно, нечестно, нечестно!!!

Сочтя тройное повторение одного и того же слова вкупе с очень эмоциональным подпрыгиванием на месте моей интеллектуальной капитуляцией, господа ремонтники прервали базар на очередные «по глоточку». Я тоже не растерялась и стрельнула новую папирусу из початой пачки Гаммия – на сей раз мне досталась ароматизированная «Троя». С облегчением глубоко затянувшись, я выпустила несколько тонких дымовых колец и с деланным безразличием спросила Центавруса, чем же всё-таки закончилась его «Илиада» в портике Одиссея.

Выцедив полный алабастр темного пива, Сергей умудрился совместить раскатистую отрыжку и долгий гласный «э», с которого и начался его ответ:

– Э-э-эдаким ушибом пониже предплечья, краской стыда на смущенной морде и ясным осознанием своего полного религиозного банкротства!

– Сколько всего зараз...

– Но то со знаком «минус»! А вот далее начались чудеса в духе новозаветных пророков! Едва я, освобожденный и воспрянувший, собрался было последовать за своим спасителем, как сзади кто-то схватил меня за башмак. Я обернулся и оторопел: отломанная Охлонием богинькина длань вцепилась в ремешки и не пускает!

– Скорее, запуталась?

– Опять перебиваешь, бесстыдница? Умолкни! Истинно говорю: вце-пи-лась! Мертвой хваткой! Тут меня и в жар, и в холод кинуло. И в пот, и в озноб... Мог бы и вообще оскандалиться ненароком, да святой папаша опять выручил. Извлек он из-под парчовой своей властницы крест (внушительный такой, скифский кистень чем-то напоминает) да ка-ак им махнет! Я инстинктивно шарахнулся вбок, упал, пополз... Затем медленно встал на четвереньки и почувствовал, что свободен!

Одухотворенность набрякшей физиономии плебея Шлеппия в эту минуту не поддавалась никакому адекватному словесному пересказу. О чем я сдержанно его и уведомила. Сергей важно покивал:

– Так о том и речь! Вольный был телом и непоколебим духом, несмотря на грядущее похмелье! Тем паче, что преподобный Охлоний пообещал слегка подлечить и, надо сказать, слово свое сдержал. Правда, свыше двухсот так и не накапал, но и это помогло. В предвкушении выпрямился я тогда в полный рост, харкнул всей слюной, которая во рту оказалась, прямо в глаза гнусной кариатиде и под неусыпным надзором моего заботливого пастыря отправился в монастырскую светелку. Там мы поправились беленькой, обговорили новую идеологию, причастились красненьким... Хотя порядок действий я уже не вспомню. Вино и вдохновенные беседы точно были.

– А не припомнишь, которая из двух мерзких подпирающих статуй тебя, целомудренного, домогалась? – вкрадчиво осведомилась я. – Правая или левая? Вопрос принципиальный, учти!

Центаврус с подозрением посмотрел на меня, бесцеремонно плюхнулся в кресло Сычия и вскинул глаза к грязному потолку. Сказал с расстановкой:

– Если мне не изменяет чувство ориентировки в замкнутом пространстве, то... Левая, пожалуй. Да, левая, я уверен! Харя у нее – ехиднее не придумаешь... Ты куда?

По-черепашьи (а может, демонически?) подвигав головой, я удалилась и ровно через минуту вернулась с черным целлофановым мешком в руке. Тяжесть была немалая, но приходилось терпеть.

Подогретая мужская команда принялась с четырех направлений сверлить меня настороженными взорами: все, кроме так и не пробудившегося от январской спячки обмуровщика Локсидиса, были заинтригованы. Я надеялась, что их не разочарую.

Подхватив обеими ладонями мое преподношение и взвесив его, Шлеппий дурашливо фыркнул:

– Надеюсь, это картошечка? А то нам завтра зажирать «вавилоновку» нечем!

– Разверни, – тихо предложила я.

Если бы он сперва заглянул внутрь... Но Центаврус с пренебрежительным сплевыванием на стенку сразу вывалил содержимое пакета себе на колени.

И застыл. Остальные тоже.

Выпавшая из целлофана женская мраморная головка с серым, похожим на лишай, пятном на месте правого зрачка, острым шейным обломком воткнулась Сергию между ног. Скрестились два взгляда: мертвый скульптурный и не совсем здоровый человеческий.

– Дальняя кариатида в той галерее изображала белокурую Калипсо, дочь мятежного титана Атланта. – тихо сказала я. – А та, с которой столь храбро воевали вы с Охлонием, звалась Цирцея-Кирка. Мудрая наставница Одиссея и его возлюбленная. Ныне их больше нет. Галилейские жрецы давно искали повод убрать ненавистные им статуи и воспользовались тем, что два каких-то остолопа изуродовали одну из них. Не потребовалось и фальшивого предлога «на реставрацию»: ночью пригнали упряжку коней, отбили крепления, зацепили крюками и отволокли на свалку. Ах да, конечно! Предварительно два дубовых столба установили – чтобы верх портика не обрушился...

Беспрерывно терзая одежду на груди одной рукой, Центаврус попробовал было другой стереть многовековой лишайный нарост с бесстрастного каменного лица – безуспешно. На него никто не смотрел: все ждали от меня продолжения.

Ободренная таким вниманием, я сказала очень серьезно:

– В любом обличи солнечная нимфа Кирка всегда являлась критическим испытанием для заносчивых представителей сильного пола. Если человеческие качества преобладали в их внутреннем естестве – тогда они поднимались на очень важную ступень в своем развитии. По направлению от инстинктивного, темного – к светлому, Божественному. Ну а в случае, как с несчастным Шлепием, когда под воздействием алкогольного суррогата наружу вдруг выползло животное, скотское... Тут один путь: в объятия религий, считающих женщину изначально греховным, насквозь порочным созданием. Можно подумать, будто она и совершила первое на планете убийство!

Я, разумеется, не ожидала, что после этих слов бездушнейшее существо, каким я всегда считала Сычия, обнимет меня и по-отечески на миг прижмет к себе, но так и произошло.

– Ай да Грачик! А ну-ка, отведай нашего сервелатика, не постесняйся!

(Кабы знать, что именно в моем выступлении затронуло самые потаенные нервные струны непробиваемого Самсония? Год жизни отдала бы за разгадку!)

Энергично уплетая тонкие ломтики деликатесной копченой колбаски, я следила за тем, что происходило с Сергием. Долго сохранить самообладание ему не удалось.

– Это она! – возопил потрясенный ремонтник, тщетно стараясь совладать со своими верхними конечностями, у которых не получалось ни вытащить невесту за чем из густой нагрудной шерсти две скрещенные серебряные планки, ни отбросить подальше воплощенное в камне явно бесовское наваждение. – Я ее узнал! Но не виноват! Надо мной издевались! Фил, вина!!

Смысл заключительного выкрика, в отличие от предыдущих, был настолько ясен и обладал такой чувственной мощностью, что бригадир подчинился. Перед этим он убрал с коленок Сергия предмет его ужаса и возвратил мне. Спокойно сказал:

– У вас, кажется, проблемы с оборудованием? Иди – я за тобой.

Поразившись, с какой страстью Центаврус выхлебывает из килика дурно пахнущую жидкость черноплодно-вороньего цвета, я вышла и направилась к женской раздевалке. Снова разместила «Цирцею» на верхней полочке своего шкафа и потащилась к рабочему месту не с очень-то хорошим настроением.

2

Филиппий нагнал меня за второй отопительной установкой и остановил, довольно резко взяв за плечи. По-прежнему спокойно произнес:

– Ну и чего ты добила, вновь пристрастив глупого Шлеппия к бражке? Или Арбузий прав, и бабская логика, подобно гемофилии, наследственна и неизлечима?

– Бабы гемофилией не страдают, а передают! Вам! – тренькнула я с вызовом. – Пусти... больно! По мне уж лучше нормальный пьющий парень, чем воинствующий трезвый ханжа!

– Да? Этот «пьющий и нормальный» намерен выяснять с сожительницей отношения и оставил ее без двух зубов. Не повторишь ли ей свое объяснение? Отмордованной Лесбии так полегчает!

– Не передергивай – речь шла о лицемерии! Кстати, Сычий супружницу охаживает по горбу регулярно при любой погоде! И, как я слышала, стрезва не в пример сильнее!

– Тут крыть нечем, – согласился Гаммий и оторвал, наконец, свои багровокожистые лапы от моих насиняченных плечиков. – Только приписывать Центаврису циничное притворство не стоит – он не из таких. Или для тебя слова «самоотверженная вера» – набор пустых звуков?

– Да не верует он, – зло бросила я и, выпатив губы, подула себе на плечи под халатиком. – Ой, какие глубокие полосы... варвар! Вам бы одни статуи и обжимать, а не девочек... Не лезь, а то кусаться начну!

Привлеченный перебранкой, из-за третьего дымососа вышел брошенный мною на произвол судьбы Леонтиск. Оглядел нас и сказал ангельским голосом:

– Девяносто девять! Как вы думаете, нечетное число – к несчастью?

Мы с Филиппием переглянулись и дружно потребовали уточнения. Правда, я тут же сообразила, что имелось ввиду, и смущенно молвила:

– Неужели ты столько раз регулировал уровень вручную?

– Представь себе! – это было сказано с гордостью и без малейшего упрека. – Жду не дожусь, когда же меня подменят – хочется освежиться! А вы, никак, ругались?

Я не ожидала, что Гаммию вздумается рассказать всё, как было, но ему вздумалось. Больше того, он не сомневался, что господину Корнелию поведение его напарницы не понравится.

Лео и вправду посмотрел на меня не без укоризны, тем более, что бригадир искусно расставил акцентики не в мою пользу. Ответить я могла бы по полной программе, но рисоваться перед смешанной публикой не хотелось ни в малейшей степени.

Все же мое молчание могли расценить как признание вины, и поэтому пришлось добавить несколько сдержанных замечаний. По поводу Центавруса, в частности, и свободы совести, в целом.

– Итак, по-твоему, Сергей нуждается не в устойчивой, нравственной опоре, а в принадлежности к идеологически агрессивной организации, имеющей самый надежный якорь – там... – Филиппий ткнул пальцем в пасмурное небо за мутным оконным стеклом. – «Скорость в жизненной гонке с препятствиями увеличивают обычно тогда, когда полностью теряется представление о местонахождении финишной черты»... – повторил он и усмехнулся: – А что, красиво выдала, проказница ты наша! Заметь, Леонтиск, она – убежденная и непримиримая язычница, разве что жертвы не приносит. Всё бы ничего, да слишком уж уютно устроились в этом поганом мире ее господа эллинисты! Прелюбодей заявляет, что служит Афродите; наемный убийца ссылается на Ареса; несусветный ворюга возносит молитвы своему покровителю Гермесу; браконьер призывает в свидетели Артемиду; отцеубийца непременно сошлется аж на Крона и Зевса... И все будут кругом правы. А то, что поведение самих Олимпийцев не укладывается ни в какие рамки – ни в правовые, ни в этические – никого не беспокоит!

Кроме массы простых, обыкновенных людей, которые жаждут не оправданной свыше вседозволенности, а строгого закона для всех. И которые оттого толпами переходят в христианство!

– Конечно! Толпой либо на базар, либо в новейшую религию! Ибо и там, и там предлагают хлебец насущный и твердую жизненную перспективу за вполне посильную плату! – не сдержавшись, горячо выкрикнула я. – Упрекать античных Богов в аморализме – это ж додуматься надо! Выходит, Небожители нужны исключительно для оправдания низменных поступков, да, Фил? А не как идеалы свободы и красоты?

– Бог в качестве олицетворения свободы? – отнюдь не ремонтнический речевой оборот Гаммий произнес безукоризненно. Потянулся и заключил: – Ну, ты и нагородила, подружка! До такого ни одна из конфессий не додумалась!

– Почему же? – вежливо возразил Леонтиск. – В основе христианского учения как раз и лежит очень похожий принцип: человек есть Божье дитя. Разумеется, если верить основоположнику Иисусу, а не интерпретатору Павлу.

– Обыкновенная приманка! Яркий плакат в конце сложнейшего лабиринта! – усмехнулся Филиппий и, с натугой прогнувшись, снова выбросил вверх обе руки. – Не согласны? А жаль! Меня-то в пристрастности не упрекнуть, ибо я наивысшим Законом с большой буквы признаю ишь госпожу Субординацию. И в отличие от вас знаю, что не существует Богов не от Власти. Никогда не было и не будет. Это на обороте того самого плаката и начертано. Правда, симпатическими чернилами...

Швырнув в нашу сторону сей парфянский булыжник, бригадир удалился за «отопустик». Я вслед ему высунула до отказа свой язык, затем втянула назад и заявила:

– Подумаешь!

С любопытством глядя на меня, Леонтиск явно ожидал продолжения, но с ним-то и получился затык. Тогда он заметил:

– А неглуп наш декурион! Действительно, не успело галилейское учение всерьез овладеть умами, а ретивые богословы уже смекнули, откуда дует ветер и куда. *«И потому отдавайте всякому должное: кому подать – подать, кому оброк – оброк, кому страх – страх, кому честь – честь»*... Субординация да еще какая! И в довесок: малейшее отклонение от заданного курса считается побегом, а подпрыгивание на месте – провокацией. Неплохо!

– Неужто ты в душе соглашаешься с Охлониями всех уровней и окрасок? – испугалась я. – Пойми, Лео, они же, по сути, халявщики! «Учитель своей мученической смертью искупил людские грехи», «исповедуйся и очистишься» – как это удобно! Никакого внутреннего усилия, чтобы стать хоть немного совершеннее! Телом к Аполлону и Венере, духом к Хирону и Немертее... Нет потребности! А вся жизнь – лишь рабское испытание с кнутами и пряниками в финале!

– Не волнуйся, Грачик...

– Я не волнуюсь! Просто полагала, что ты всецело со мной.

– Так оно и есть, – улыбнулся Леонтиск и шаловливо потянул меня за «хвостик». – И всё же нет-нет, а порой кажется, что рановато мы занялись этим...

– Чем?

– Да поисками Абсолюта. Нашим храмовым богам еще расти и расти вместе с нами. Люди хождение толком не освоили, а уже в полёт тянет!

– И во что же «хомо сапиенсу» в его нынешнем виде ты предлагаешь верить?

– В свет. Солнечный и звездный. Пока этого с лихвой хватает. И не забивать свои и чужие головы страшными и лакомыми фантазиями.

Я задумалась. Вскоре на ум пришел интересный комментарий к подобной постмодернистской теологической позиции, но высказать его было не суждено: Лео снова побрел править уровень. В сотый разик.

Из солидарности я поплелась за ним.

За третьим «отопустиком» мы обнаружили Гаммия – сидящего, курящего и не работающего. Он взмахнул рукой и прочертил извилистую дымовую линию:

– Молодежь, смотрите сюда! Вот регулятор уровня – видите? Отлично! Ход рычага на закрытие-открытие плавный? Как, не заедает, не дергается? Замечательно! К нам претензии имеются?

– Нет... – упавшим голосом пискнула я.

– Что и требовалось доказать. Я убываю.

Проводив Филиппия задумчивым взглядом, Леонтиск преобразовал его в вопросительный и перевел на меня. Но утешать было нечем:

– Поскольку всё наше оборудование совмещает в себе механические и наладочные части, то отсюда естественным образом вытекает разделение труда при обслуживании. В данном случае механика, за которую отвечают господа ремонтники, вроде бы, исправна. Нам предстоит идти к господам наладчикам.

– К Ляптию?

– Угу. Если он не в бегах. Итак, что предпочитаешь: начать искать или продолжать следить?

– Естественно, последнее. Василийса я выносить уже не в состоянии.

– Понятненько...

Поднявшись на второй этаж и пройдя по коридору, я обнаружила комнату наладчиков открытой. Это радовало, но в меру: за дверью со сломанной самодельной печатью могло происходить всё, что угодно. От разудалой гулюшки и до тихого часа после оной. Плавно переходящего в полумертвый. С полной невозможностью оживить лежащие манекены мужского пола и хоть чего-нибудь от них добиться.

Похоже, у меня начала формироваться неприятная привычка пугать себя раньше времени. На самом же деле внутри прокуренного помещения находились относительно твердые мальчишки среднего возраста в двойственном числе – надменный Луций Ворроний и наше горе луковое. Их Лысеющее Высокомерие собиралось кого-то жарить на скворчащей, прокопченной сковородке, а горюшко с помощью молотка, пинцета и пассатижей увлеченно ломало некий прибор размером с прикроватную тумбочку. Тут вопросов не возникало: нашел на очередной помойке и приволок. Дабы квалифицированно демонтировать – у хозяйственного мужичка ничего не пропадает, а, наоборот, накапливается. В этом можно было убедиться,глянув на перекошенные, прогнившие стеллажи, доверху забитые редкостным барахлом. А какие запасы таились в двух гаражах и на даче!

Вошедшую привлекательную женщину не только не поприветствовали, но и вообще проигнорировали, словно невидимку. Слегка озадаченная, я сделала три оборота вокруг Ляптия и его тумбочки, но более осязаемой не стала. Смелое прикосновение упругой дамской груди к костлявой мужчинской спине осталось без внимания. Отрывистый шлепок по чуть более мягкой ягодице тоже не помог.

Подумав, я решила доконать бесчувственного работничка акустическим импульсом и громко заблеяла.

Это проняло: Васичка отскочил в угол и принял оборонительную позу, выставив перед собой грязные кулаки. После второго моего козлиного пассажа он суетливо защелкал пассатижами и, заикаясь, обратился к Ворронию:

– Она рехнулась! Беги, вызывай психушку!

– Не могу, беляши подгорят, – невозмутимо отозвался Луций и ножом зашуровал на сковороде. – К тому же в ее нетривиальной арии я, кажется, нахожу скрытый смысл.

– Какой? Ох, ну и воет!

Убавив огонь в очаге, наладчик-кулинар накрыл тонкой досочкой шипящие во фритюре полуфабрикаты и повернулся ко мне. Я немедленно заткнулась и попятилась. Ворроний задумчиво меня обсмотрел и предположил:

– Такое впечатление, что у молодой особы проблемы с исполнительным механизмом постоянной скорости. С трехфазным асинхронным двигателем и червячным редуктором...

– М-мэ-э-ээ-э-о! – обрадовано запела я и закивала прической. – Мэ-ээ-оо!

– Явное подтверждение. Иди и чини. На все про все тебе полчаса, не больше. Иначе еда вконец остынет.

Перечить старшему товарищу Ляптий не посмел и весьма шустро засеменил за мной. Однако на пороге озабоченно спросил:

– А точно фулюганит именно «МЭО»? Чего у него не того?

– Моя-твоя не понимай, – не менее стильно отозвалась я. – Не знай, не ведай, где хряп. Либо провод трык-трык, либо железячка грым-грым.

– Так бы сразу и сказала. Погодь, шас захвачу отвертку.

Леонтиск внизу встретил нас грозным: «Сто восемь, гулены!» Васичка поперхнулся и едва ли не впервые отказался от излюбленного трафарета: «Не работает, потому как и не должно!», а молча полез развинчивать и разбирать.

С починкой он управился минут эдак за семь. Вернее, с доказательством того, что все его шурушки действуют отменно: усилители, датчики, колонка дистанционного управления, регулятор питания...

– Но автоматическая подпитка не идет? – обреченно заныла я. – Ведь не идет же?

– Вестимо, ремонтники виноваты! Пускай вскрывают клапан.

Пока мы с Леонтиском вели себя, как пойманные рыбы, Василийс благополучно улизнул на долгожданное свидание с горячими беляшами под пиво и чего покрепче. Первой опомнилась я и плаксиво подвела итоги:

– У тех всё хорошо, и у этих отлично, а почему у нас ху... хуже не придумаешь? Несправедливо! Я иду жаловаться Королю!

– Через четверть часика, ладно? Мне до зарезу необходим душ.

...Григорий Саблюний Скучный соизволил меня принять лишь за час до окончания рабочего дня – до этого он шумно выяснял отношения с имперским инспектором по технике безопасности, которого сам же и притащил. Тот обнаружил целый обоз и маленькую тележку всяческих недостатков-нарушений, что педантично и зафиксировал в «Свитке контроля». Запасной выход был завален рассыпанным, бесхозным сульфоглем, на переносных лесенках стерлись штампы даты проверки, топливопроводы не успели покрасить в обязательный желтый цвет и нанести красные стрелочки, указывающие направление движения горючей смеси; забыли устроить ограждение горячих поверхностей, температура которых превышала 60 градусов... Но главная жирнущая хрюшка замедленного действия была подложена Королю нашим Сычием.

– Вообрази, Грациэлла, этот кабанище меня подставил самым хрякским образом! – возмущался Саблюний, последовательно развивая свинячью тему. – Инспектор строго его вопрошает: «Отчего не в форменной одежде?» А сей боров безмятежно заявляет в ответ: «Так начальничек не выписал!» Нет, ты представляешь? Я ему еще осенью предлагал – при тебе, между прочим! И он публично отказался!

Я сочувственно поддакивала, а про себя нервничала: время шло не в мою пользу. Надо же, Григорий опередил и начал жаловаться первым!

А Сычий сегодня в ударе. И по фривольным шарикам метко пострелял, и наивного Королька обидно подловил. Окончание их бурного диалога я могла бы угадать абсолютно точно:

Саблюний (растерянно): «Ты же сам сказал, что не нужна! И еще послал в эту... как ее... В задницу!»

Самсоний (насмешливо): «На работе и без спецовки? Ты кретинские вопросы почаше задавай – еще и не туда пошлю! Кстати, я сейчас в туалет собираюсь – не хочешь поинтересоваться, нужна ли мне смятая бумажка?»

Заключительная фраза спеца по соединениям-разъединениям должна была поразить простоватого руководителя в самое сердце.

– Сычий... он такой, – успокаивающе проворковала я. – Вредный. На «зоне» его приучили взвешивать каждое слово перед тем, как произнести. Вот он и куражится!

– То-то и оно. Ах, если бы этот свинтус не состоял в родстве с Авлом Корзявием, уж я бы ему показал! К сожалению, покажут мне. Ведомость на зарплату. Со срезанной на пятьдесят процентов квартальной премией.

– Быть того не может! – возмутилась я и всплеснула руками. – Не посмеют! Разве что на тридцать...

– Тоже не сахар. А что у тебя случилось?

Нет, как бывает полезно вовремя подсюсюкнуть расстроенному боссу!

Набрав полную грудь отборнейшего кислорода, я преобразовала его в отточенную до блеска стукаческую формулировку: «Ваши подчиненные не справляются со своими обязанностями!»

Королю – прямо бальзам на раны...

Пошел шестой час пополудни, а никто и не помышлял об уходе. Григорий согнал к третьей отопительной установке всех, кого сумел найти: Гаммия, Арбузия, Локисидиса, Ляптия, Воррония... Впрочем, последний мог запросто послать Саблюния в заоблачные выси (участок же чужой!), но выиграл профессиональный интерес. Именно Луций и настоял на одновременном вскрытии и клапана, и «МЭО». Вот тут-то и выяснилось, что...

– Так-так-та-ак! И какой же козел поставил сюда «крокодила»?

– Ого! Как рычаг вообще работал? При таком-то изгибе!

– Искрит, зараза... И хорошо искрит!

– Не трогай! Не бей зубилом, говорю! Щас всё рассыплется!

– Ну, оборван поводок, и что? Если хотите знать, он лишний!

– Возможно... а эти два куда ведут? Схема есть?

– Разумеется! Но ее искать надо...

– Тогда пойдем дюдуктивным путем. Ежели вот эта серо-буро-малиновая дрянь получает импульс от «R-25» со щита, тогда вон та длинная сволочь... стоп-стоп! Почему она раздвоилась?

– Пить надо меньше, а закусывать лучше – сразу в глазах двоиться перестанет! Четыре ответвления, понимаешь? Четыре, а не два!

– Пять... ик... пятакантроп ты, и больше никто. Ведь эта же шесть... шестерня бракованная! Семь... ик... Семений из ремцеха обманул, а еще мой шурин!

– Хотите Соломоново решение? Переставляем на место этого ремонтно-наладочного кошмара свежачок с первого «отопустика». А с кошмариком потом разберемся!

– Ничего не выйдет. «МЭО», что на первом, было снято как раз отсюда. А до того оно гремело на втором. И ни здесь, ни там толком ни хрена не регулировало...

Я и Леонтиск стояли поодаль и неспешно покуривали, втайне наслаждаясь сложившейся ситуацией. Подобные консилиумы случались крайне редко и ничем, кроме конфуза, как правило, не кончались. Но какой восторг для зрителей! Так и тянуло хлопать в ладоши при особенно смачных репликах.

Правда, когда из фигурантов мы вновь станем активными актерами, то веселья значительно поубавится, ибо предстоит нам...

– ...а вам, господа операторы, придется до утра работать в ручном режиме. Ну да не впервой же! А завтра будем разбираться. Обстоятельно, без суеты, методом проб и ошибок!

Даже этот пакостный смешок Гаммия мне лично не испортил настроения. Во-первых, как ни верти, а свою бригадирскую несостоятельность он признал публично, а во-вторых, действительно, «не впервой».

3

Выждав, покуда оконфуженные дядечки не разошлись, чудесный Леонтиск преподнес мне приятный сюрприз. Оказывается, сгонной задвижкой он давным-давно уже поймал «точку», чем и замедлил движение уровня вниз-вверх до предела.

– На самом деле, мне довелось поправлять не свыше десяти раз, – с лукавой улыбкой признался мой напарник. – Простишь за откровенное вранье, а?

Прощение было немедленно даровано путем типично сестринского поцелуя в щеку. Не получив ответного братского, я подавила разочарованный вздох и, завладев мужским запястьем, повела его хозяина к позабытому диванчику. Дабы записать на восемнадцать ноль-ноль сведения. И в последний раз за сегодняшний денек побаловаться чайком. И вдобавок...

Дикий, какой-то подземный вопль, перешедший затем в непрерывный вой, вполне под стать Минотавровому, заставил нас вздрогнуть, а меня еще и присесть. Орали откуда-то из самых недр отопительного центра – более точно определить было трудно.

Обмуровщик, уже собравшийся уходить, передумал и вооружился красным противопожарным ломом. Сочтя себя достаточно защищенным, он осторожненько заглянул за угол операторской, но на большее не решился.

Оттеснив его в сторонку, Леонтиск двинулся по узкому коридору между задними дверцами энергощита и стеной мастерской – я по-шпионски кралась за ним. Шествие прикрывал Локисидис с воздетым над моим затылком тяжеленным куском металла.

Остановилась наша процессия возле ремонтничьих верстаков. Дальше идти не имело смысла.

Из мужской раздевалки Аркадий и Филиппий под руки выводили Сергия Шлеппия Центавруса. На него было жутко смотреть.

Новообращенный верующий сейчас походил на своих ранних собратьев, над которыми всласть надругались бессердечные римские legionеры. Оборванный, мокрый, в грязнейшей нижней одежде, пальцы рук и ног изодраны в кровь, на лице застывший неописуемый ужас... Густая слюна свисала с нижней губы аж до кадыка.

– Белая горячка? – прошептала я, прижавшись боком к Леонтисковой спине и боясь выглянуть. – Неужели из-за меня?

– На первый вопрос я бы ответил положительно, – процедил Лео. – На второй... Вряд ли.

– Ничего страшного, – вдруг сзади подал голос Локисидис и со стуком опустил лом. – Обычная вытрезвительная сцена! Каждую неделю такую вижу. А иногда и самолично участвую. Тут главное – завернуть в ледяную простыню и навзничь не класть. А то, не ровен час, рвотой захлебнется...

Появившийся вскоре Гаммий без труда углядел струсившую операторшу, сколь тщательно она ни прикрывалась растянутым белым халатом Корнелия, и, пыхнув папируссой, язвительно хмыкнул:

– Ну-с, мисс дурочка? Чай, теперь ваша душенька довольна? Не желаете ли навестить беднягу? О самочувствии выпросить?

Мое сердечко провалилось куда-то вглубь живота и там мелко-мелко затрепыхалось. Кажется, Леонтиск это ощутил, ибо пришел ко мне на помощь:

– Не строй из себя Домициана, бригадир. Что произошло?

– Охотно поясню, – кивнул Филиппий и подошел ближе. – К моменту появления Короля с инспектором наш Центаврус, потрясенный выходкой этой самонадеянной толковательницы мифов, упился до положения риз и желал лишь одного: спрятаться. Во избежание увольнения по статье. Перемещаться на дальние расстояния он не мог и был рад-радешенек, когда набрел на душевую. Где и заперся, посчитав себя в безопасности. Ну и заснул, естественно. На резиновом коврикe...

Гаммий сделал эффектный стоп-кадр – мне стало совсем нехорошо, и я пару раз икнула. Насладившись этими чарующими звуками, Филиппий продолжил:

– А когда он пробудился (по-прежнему в дугу пьяный), то обнаружил себя в крошечной темноте. Возможно, и скрежет зубовой услышал – снаружи оконная рама на ветру скрипит впечатляюще! Ощупал пространство руками, а кругом сплошные стены из шероховатого камня. Вода откуда-то сверху падает, капля по капле... Сами понимаете, тут что угодно могло почудиться! Вот Сергей и начал выть да метаться. Хорошо, мы подросли, а не то и башку мог расшибить.

Меня всю затрясло; возникла уверенность, что я вот-вот рассыплюсь на суставы и органы, если не окажусь в крепких объятиях. В них я и очутилась – только мои вздрагивающие плечики надежно обхватил не Лео, а Локисидис!

– А чего ты девочку запугиваешь, бугор? – не без угрозы сказал он. – Ни я, ни она над шутовской трагедией Шлеппия плакать не намерены! Меньше надо было по катакомбам да по криптам шляться! Когда он малость очухается, напхни ему старую скифскую поговорку: «За чем пойдешь, то и найдешь!»

Гаммий молчал где-то с полминуты. Потом, немного наклонив голову, проникновенно поведal:

– Локис, я с радостью приведу тебе иной вариант народной мудрости: «Quod licet bovi, non licet Jovi». ¹ Как, уразумел или перевести? Так вот, эксплуатируй дозволенное, сколько хочешь, но не замахивайся выше бородищи! Не смеши Аргуса – он прозорливее, чем ты думаешь.

– Не забывай: если я пожелаю, то сумею всем понравиться, – бросил обмуровщик и, не оборачиваясь, спросил: – Ты, надеюсь, не наврала?

– Почти нет, – приободрившись, подтвердила я. – Порттик Одиссея и в самом деле разрушен, а вот «Цирцея» была куплена в антикварной лавочке. Но ведь я и не утверждала, что это именно дочь Гелиоса – Сергей сам так решил!

– Говоря нормальным языком, ты его спровоцировала, – (Филиппию явно хотелось покрепче пригвоздить меня к позорному столбу). – Проучила...

– Леонтиск, проведи Центавруса, – спокойно распорядился Локисидис непривычно звучным баритоном. – А Грация покажет мне титаниду.

Не верилось, что Лео безропотно подчинится, но так и получилось! Я же и пикнуть не посмела.

Долго, очень долго пристально всматривался лохматый, неопрятный человек в прекрасное мраморное лицо неведомой женщины. Подносил ближе к светильникам, отдалял; шурился, словно глядел сквозь предмет в одну ему видимую точку... Наконец, он провел своей немой ладонью по камню от волос до подбородка и глухо произнес:

– Это она, чародейка. Избавься от нее поскорее. Продай или подари, но непременно мужчине.

– Почему? – спросила я, придя в замешательство.

– Кирка тоскует по утраченному телу. Может забрать твоё.

Вернув скульптуру, Локис быстро отошел от моего шкафчика и скрылся за дверью, оставив меня в тревожном недоумении.

Трезвон! Трезвон!! Трезвон!!!

Я мгновенно пришла в себя и полетела на всех парах к заброшенному третьему «отопустику», который наверняка захлебывался питательной водой. Или, наоборот, изнывал от жажды...

Как ни странно, ни того, ни другого – ажур, норма, порядочек. Вообще я зря спешила: защиту ведь мы не ставили!

Ничего не оставалось, как в темпе вернуться к щитовой и недовольно вырубить то, что истерически надрывалось в правом металлическом ящике. Но едва я оторвала палец от красной кнопочки, как истерика и надрыв незамедлительно возобновились.

Снова вдавив мизинец в надпись «Stop», я впилась взглядом в табло.

Прошло минут пять. Мизинчик начал ощутимо уставать, но отнять его не было никакой возможности – разве что заменить на другой. Завороженный взор трансформировался сначала в напряженный, а потом и в равнодушный.

Самая дурацкая ситуация: система безопасности срабатывала слишком быстро, чтобы человеческий взгляд успевал подметить причину. В железячно-листовом пространстве размером девять на шесть футов располагались десятки световых окошек – как определить, которое из них перемигивало в течение считанных долей секунды? Случайно, если повезет.

Мне упорно не везло. И, по обыкновению, под конец смены!

Прижав кнопку коленкой и облизнув уставший, покрасневший пальчик, я активировала раскритикованное давеча Гаммием женское логическое мышление и пришла к выводу, что с наибольшей вероятностью безобразничает «воздух» или «разрежение». Параметр «давление пара высоко» исключался: давно бы уже предохранительный клапан засвистел.

Но мог и упасть-подняться напор воды в сети. Только этого не хватало!

Я отдернула колено (на нежной коже четко отпечаталось: «potS...») и, периодически нажимая ладошками на уши, потащила в сторону приямка, где едва слышно жужжало ПоПСУ. Беглый осмотр показал, что сальничек давно пора менять, а корытце чистить, но в остальном придаться было не к чему.

И куда это там Лео запропастился? Отчего не помогает, не хлопочет, не сочувствует?

Обозлившись на весь белый свет, я строевым шагом вернулась к щиту и с отчаянной страстью пропела строфу из трагедии «Медея» Сенеки-младшего:

*Молю, молчи! Вверяй лишь тайным жалобам
Свою печаль!*

После чего пятью короткими щелчками сняла с автомата главные датчики. И собственноручно установила все стрелочки на указателях ровно посередине.

Вызывающе стукнула кулачком по кнопке – и... и все стихло! Кроме моего торжествующего крика:

*...Так рази туда,
Где и не ждут удара! Должно сделать мне
Всё, что Медея в силах. Всё, что свыше сил!²*

Позади чмокаяще зашлепали одна о другую чьи-то мощные ручки. Хотя чего тут догадываться? Явление Шуреиры перед уходом.

– Не кажется ли тебе, душенька, что бестолкового шума за последний часок было явно через край? – подковырнула меня мавританка. – Говорят, твоих беспутных ручинок дело!

Я снисходительно оглядела мою любимую толстуху и сотворила названными конечно-стями очередное беспутство в виде непристойнейшего жеста – к тому же типично мужского. Затем голосисто оспоранила загадочное: «И никто не узнает, где ее саркофа-а-а-аа!» и убежала переодеваться.

Как оказалось, Шушечку здорово обеспокоил потусторонний намек, и она приперлась в операторскую в целях выяснения подробностей. Чтобы развязать язык, мне было предложено слегка промочить горлышко полной фиалкой фирменного напиточка «My God!» Отказа не последовало, а вот кашель после употребления и усвоения высокоградусного продукта пробил меня аж до слезок.

– Часок назад Локсидис мне предсказал: я могу стать беспал... беспилот... бесплотной! – с третьей попытки выговорила я и, переведя дух, агрессивно потребовала: – Дай же хоть чем-нибудь загрызть! А не то здесь будет зафиксирован первый случай людоедства!

Порывшись в сумке, Шуреира достала изрядно обкрошившийся коржик размером с тарелочку, куснула сперва сама за бочок и лишь потом поделилась со Старшей в Смене. Я мигом сжевала пережаренное тесто, запила холодным, горьким чаем и ощутила в себе новые слабые силы.

Выслушав сбивчивое толкование сегодняшних событий, аппаратчица призадумалась и вдруг не без смущения призналась, что...

– И ты туда же, бочка глазастая из эбенового дерева?! – страшно возмутилась я и попыталась высыпать крошки с бумажки Шушечке за шиворот. Меня скрутили тремя пальцами и усадили на место. Отвесили подзатыльник, попали по «хвосту» и оцарапались о бронзовую заколку. Злорадно каркнув: «Ага!», я отползла в дальний диванный угол и оттуда продолжила шпынять и укорять. Все попреки сносились воистину с христианским смирением, что вполне сочеталось с очередным приступом свободы Шушкиной совести. Попытка стукнуть по затылку, вообще-то, сюда не вписывалась, но то было остаточное влияние самой знаменитой заповеди Моисея, не иначе. Ну, «око за зуб» или что-то похожее...

– И как же тебе не ай-ай-ай! – я успокаиваться не собиралась. – Наверное, все земные вероисповедания перепробовала, а вот неймется! У буддистов о Высшей Правде узнавала? В прошлом году! К иеговистским учениям проявляла интерес? Неоднократно. С варяжскими Богами ознакомились? Еще бы! Гермесу-Трисмегисту поклоны била? С величайшим усердием. К египетскому Тоту за мудростью обращалась? То-то! Даже вишишта-адвайтой увлекалась, но шиш унесла, ибо выяснила: ведантистами становятся исключительно уроженцы Индостана. Разве что у магометан не была?

– Наведывалась как-то, да сразу сделала ноги, едва получила по рукам за винопитие, – хладнокровно пояснила мавританка. – В принципе, женщинам там неплохо: работать необязательно, сиди себе за надежной мужней спиной да сплетничай с другими женами. Кухня, киндер, коран – четвертого не дано и не требуется.

– Сначала замуж надо выйти!

– Не вопрос, имелось бы приданое. Но у христиан все-таки лучше – проще, спокойнее. Вдобавок прочие божества несчастного человечка если и не в бараний рог согнуть норовят, то уж унижить не забывают! Доброго слова не дожدهшься, а преподношения давай, законы исполняй... А Спаситель за нас, убогих и недостойных, бескорыстно такую муку принял!

– «Господь, одно из двух: либо под Твоей защитой, либо под защитой Рима!» – усмехнулась я и выразительно добавила: – Предпочитаю второе. И не потому, что в первом сомневаюсь, – просто не выношу, когда к Богам относятся потребительски!

– Мишну цитируем? – (ну, Шуреира меня и удивила!) – Или Гемару? Ишь ты, талмудисточка образованная нашлась! А знаешь, я тоже стала кое-какие древние свитки почитать. И вчера наткнулась на восхитительное высказывание: «О, Всевышний, помоги мне подняться –

падать я умею и сам». И теперь я уверена: никому это не под силу, кроме Иисуса. Возлюби Его – и встанешь! Основательно и навсегда.

– Да не пойдет на пользу «убогим и недостойным» никакое божественное вмешательство! – завопила я. – Ни от Христа, ни от Зевса, ни от Иеговы, ни от Брахмана с Атманом! Извольте предварительно подлечиться и обрести достоинство! Тогда вами наверху, может, и заинтересуются!

Тут вбежал Леонтиск и устоял на крикунью со встревоженным видом. Пришлось спешно усесться в приличную для воспитанной барышни позу (ручки на коленочках, коленочки вместе) и показать, что я уже при полном параде. Не сразу, но это заметили и, спохватившись, отбыли. А через очень быстро – вернулись. При параде полном.

Собравшись, что мой язычок отчего-то усердно цепляется за зубки, я сыграла на опережение: тихо затребовала у Шущечки информацию на Пыщечку и приготовилась трезво слушать.

О своей легкомысленной кухне аппаратчица почти ничего не знала:

– Родила девочку и прячется вместе с ней у кого-то из многочисленных подружек. Заходила Суламифь, забрала все накопленные деньги, которые Поля держала у меня. Но еврейка тоже не в курсе – сестренка сейчас никому не доверяет. Очень мужа боится. А наш вепрь дикий вообразил, что главные связи идут через меня, и не реже семи раз в неделю появляется на моем горизонте с увещеваниями признаться и открыть. Пышкину берлогу, значит... Заверяет, что простит и, вполне возможно, не врёт. Выборы-то Марк выиграл! С огромным преимуществом и в первом же туре. И не без помощи наставленных женушкой рогов!

– С каких это пор рожки помогают стать квестором? – засмеялся Лео, но как-то ненатурально. Шурейра его поддержала гораздо естественнее:

– А ты представь пятерых кандидатов: все на одно мордастенькое личико, не слишком человеческое! «Кабан», «Медведь», «Носорог», «Бегемот», «Горилла»! Встретишь любого из претендентов на почетную, хлебную должность в темном переулке – и будешь откровенно счастлив, если тебя всего-навсего разденут, изнасилуют, ограбят и наружность попортят. Речь идет о слабых девицах, не конфузьтесь, Лео! И голосующие чувствуют себя неудобно: будто не на избирательный участок забрели, а в разбойничий вертеп. Нормальная реакция – поставить крестик в графе «против всех», но в сознании любого имперского обывателя это ведь протест, чуть ли не бунт! И вдруг среди сего зверинца отыскивается гуманоидный страдалец, у которого жена из рабочих и притом стопроцентная шлюха! Грациэлла, не морщись... Как будто сексуальные наклонности моей Полинии для тебя новость! Готова была отдаться любому, у кого имелось хоть что-то выпирающее!

– Ерунду городишь! – не выдержала я. – Пыщечка обожала судачить о мужиках, но подкладываясь под каждого встречного-поперечного не спешила! Это тебе не Наташечка-Вертушечка, которая перед тем, как охмурить Короля, обстоятельно ознакомилась с потенцией каждого ремонтника и наладчика! Вот один Лео не поддался. Хотя, когда он к нам пришел, Саблюний уже был прочно захомутанный...

– Я же оператор! – резонно отпарировал мой напарник. – То есть, куда более морально устойчивый!

(Что-то я не обнаружила в его голосе ни малейших признаков гордости по этому поводу. А вот фальшивинки – сверх меры).

– Да какая теперь разница? – отмахнулась Шурейра. – Главное, что наш трудовой, торговый и пенсионерствующий сердобольный люд вознамерился дружно отдать свои голоса за единственного представителя новой элиты, у которого имеются понятные для всех жителейские, низменные проблемы! А не заморочки типа, в каком бы экзотическом ресторанчике позавтракать. Или где отыскать необычный ночной клуб...

– А после своей убедительной победы Гальваний запланировал следующий умный ход: возвращение к семейному очагу униженной блудницы, ее слезливое покаяние и публичное

прощение, – живо подытожил Леонтиск. – Сдается мне, что в шахматах, действительно, появилась новая выгоднейшая защита – «Галилейская». Ну и самообладание у Марка!

– Да, он далеко пойдет, если способен обращать себе на пользу и свой позор, и чужой, – задумчиво согласилась я.

Распахнулась дверь, и перед нашими взорами предстали правые и левые половины туловищ Гриппий – снежок на шапочках, сосульки на шарфиках, между ними румянец и сытость. Затем дочкина мясная часть плавно уплыла по направлению к раздевалкам, а мамашина оформилась в целое и втиснулась в комнатку, где сразу же стало до отвращения тесно.

Как обычно в последнее время, о событиях минувшего дня важно начали расспрашивать приятного господина Леонтиска, а ничтожную Гракову удостоили лицемерия оттопыренной в ее сторону обширнейшей задницы. Уклониться от созерцания оной было некуда, что вынудило меня крепко зажмуриться.

В таком незавидном положении я пребывала несколько минут, утешаясь про себя тем обстоятельством, что Лео понятия не имеет о переведенных на ручной режим датчиках. А значит, об этом и не сообщит, что обеспечит двум нашим медведихам славную нервотрепку. Хотелось бы в самое неподходящее время, когда им вздумается сладко подремать...

Наконец-то, Шушечке надоело томиться на неудобном сиденье, и она шумно двинулась к выходу, чем и завершила затянувшуюся передачу очередной шалей-валяйной смены.

4

Обледеневшие каменные ступени, которые вели наверх из овражной ямы с нашим отопительным центром на дне, никто не удосужился посыпать песочком, вследствие чего мои дорогие британские сапожки из натуральной зверской кожи то и дело скользили, норовя вернуть меня к рабочим пенатам. Головой вниз, на бреющем полете... Но неизменно выручал карабкавшийся следом Леонтиск – он мягко поддерживал ладонями различные филейные места моей спины. Однажды ему даже пришлось выступить в роли форменного спасителя, когда я, выбравшись и энергично потопав наборными каблучками, уже представила себя вне падательной опасности и сделала с полдюжины шагов, буквально не глядя. Выкупанная в олифе желтая дощечка, казавшаяся такой прочной, жалобно хрустнула под моей правой пяткой, и я, неуклюже просеменя, завалилась влево – по счастью, на вовремя подставленный мужской локтевой сгиб. Мой панический визг сменился облегченным выдохом, и было отчего: в неглубоких сугробах прятались десятки рулонов наспех смотанной колючей проволоки.

Очередной плановый демонтаж военно-оборонительных систем с радостной их заменой на мирно-гражданский абсурд. У нас ведь всегда так. Вместо устрашавшей воображение шипастой стальной ограды надо воздвигнуть метровый декоративный заборчик из сосновых досочек, что же еще?

Возле «Нулевого Отдела» стоял печальный старик Максимий Луний Сутулый и бережно прилаживал к засову огромный никелированный замок. Этим ему предстояло еще заниматься около двух недель, до февраля. А там – неизбежное увольнение ввиду сокращения штатов. И ничего впереди, кроме постылого одиночества и смутных воспоминаний. Надежда на поддержку Лидии Астафии, нынешней секретарши генерального директора Учреждения, не оправдалась.

Я остро сочувствовала ему и, проходя мимо, уважительно поклонилась. Луний, помедлив, снял наградной серебряный шлем и ответил тем же. Алые перья в свете полной луны на мгновение окрасились в пурпурные и розовые оттенки.

– Знаешь, Лео, иногда мне кажется, что именно так и нужно жить, – прошептала я, когда сгорбленная фигура ветерана осталась позади. – Делать свое любимое дело до упора,

до самого конца. А если нет возможности, то всё равно оставаться поблизости. И ждать вестника от Харона, не отходя от привычного сторожевого поста...

– Он сильно сдал за последние месяцы, – так же негромко ответил Леонтиск. – Раньше семи вечера никогда не уходит да и то после смены караула. Последнего в его жизни. И всегда в парадном мундире. Заметила, какой пышный султан он носит? Такой втыкали в шлем лишь перед боем... Разговаривает мало и, главным образом, о временах противостояния Мария – Суллы. По-моему, для него истинно римская эпоха тогда и закончилась. А то, что началось потом, после Гая Юлия Цезаря, – один бесконечный балаган на фоне величавых построек ионических и коринфских ордеров. Сенаторы в роли шутов, скоты в роли императоров... Кто только на трон не залезал – солдаты, мещане, вольноотпущенники, рабы! Стоит ли теперь удивляться тому, что над нами глумливо потешаются все, кому не лень? От мала до велика, от Кавказского столпа и до Геркулесовых столбов!

– Согласна-а-а... – тягостно протянула я и утешающе взяла Лео под руку. – Но ты так и не рассеял мои сомнения. Кто же всё-таки нравственно выше: Максимий или, например, Диоклетиан?

– Нашла, кого припомнить! От власти нужно уходить в смерть, а не в огородничество. Уж лучше истерически прокричать: «О, какой великий актер погибает!», нежели проямлить ничтожное: «А посмотрите, что за капустку я вырастил...»

– Тем не менее, обе фразы остались в истории. И неизвестно еще, которую чаще вспоминают.

– Известно. Вторую. Заветная мечта всякой посредственности: всласть повластвовать, покурлесил, и на покой. На правительственную виллу в Байях. А добровольно вставать под меч ой как не хочется! Кому нужен такой финал?

Я дальновидного Диоклетиана уважала да и чисто по-женски была против, но промолчала.

Мы миновали ворота, на которые было жалко смотреть. Створка всего одна, а полностью озаборить успели лишь западную сторону. На восточной зияла дыра локтей в сто, никем не охраняемая – пост внешнего сторожа давно упразднили. Спешно демилитаризовываясь, разваливали всё, что могли, ожидая со дня на день прибытия оборотистых германских хозяев. Разве что плакат не повесили: «Продаемся со всеми потрохами!» Германцы прибыли, подарки взяли, пивка за свое здоровье выпили, но от покупки отчего-то воздержались. И с обещанными инвестициями не спешили. В будущее совместное предприятие «Амазонки и Валькирии». Впрочем, высшее начальство Учреждения на трудности жизни явно не сетует.

Зима стояла в этом году просто на загляденье: прочный, суховатый мороз не ниже трех и не выше восьми держался вот уже второй месяц. Стылые стужи и постылые оттепели были напрочь позабыты, а редкие задумчивые снегопады начинались ближе к вечеру и незаметно заканчивались к полуночи, словно так и задумывала Небесная Канцелярия. Сейчас она выдала нам ясный неподвижный вечер с необыкновенно близким чернильным небом, вышитым голубоватым звездным бисером. Томная Селена, примерив едва заметную газовую вуаль, отбросила ее и засияла во всем своем великолепии, источая прозрачное золото. Я благодарно улыбнулась ей, почитая превыше Гелия. Сестра превосходила брата скромностью и очарованием.

Шаг за шагом мы приближались к гаражному лабиринту, вросшему в толпу диких яблоневых деревьев. Они были так густо усыпаны снегом, что напоминали плюшевый шатер, под которым укрылось племя последних кентавров, спасаясь от стрел безумного Геракла. Кустарники вокруг тонули под сплошной белой пеленой, неровно отороченной снизу рваными оборками темно-синих теней. Со склонов холмов по обе стороны хорошо утоптанной широкой тропы мне весело подмигивали крупные ажурные снежинки, передавая вереницей свою мерцающую эстафету по самым разным направлениям. Тонкий наст равномерно похрустывал под нашими ногами.

Обычно, торопливо пробегая мимо неприятных гаражей, я имела привычку напевать что-нибудь бодряческое, но с Леонтиком в этом не было нужды. Все же промолчать я не сумела и подавала голосок.

– О чем беседовал со Шлеппием? – переспросил Лео и наморщил лоб. – Назвать диалогом наш звуковой контакт – означает здорово преувеличить. Сергей никак не мог отойти от дневных похмельных кошмаров, и мне предстояло в темпе загонять обратно в преисподнюю вызванных им демонов. Боюсь, что применил неправильную тактику, но быстрым соображением я никогда не отличался. Сказал, что он подвергся испытанию, и что лишь от него самого зависит итоговый результат и дальнейшие виды на будущее – это выслушали с невероятной сосредоточенностью, ухватив меня за пояс... Многозначительной интонации оказалось вполне достаточно для примитивного внушения, а вот что из этого получится – одному Богу ведомо.

– Богам, Леошенька! Богам, – как можно мягче поправила я. – Ты стал часто оговариваться.

– Ладно, не придирайся, ревнительница античных традиций! Считаю, что имелся ввиду Юпитер.

– Да уж, на исправления вы горазды...

Надулся или нет? Надо отвлечь его внимание захватывающим рассказом о том, что сотворил Локидидис со скульптурой – впечатление будет не слабым!

Я отпустила мужской локоть и встала сбоку в эффектную позу с высоко поднятыми и растопыренными пальцами обеих рук... Да так и застыла, не в силах пошевелиться.

Справа и слева от снежно-серых стен отделились две рослые фигуры в черном. Их лица скрывали вязаные шапочки с узкими прорезями для глаз. У одного за поясом наискосок торчал дротик, другой поигрывал двухметровым шестом с зазубренными окантовками из меди. В два больших шага неизвестные очутились точно напротив нас и остановились, слегка раскачиваясь.

Наверное, я должна была ужасно испугаться и заверещать, но не успела, так как получила прямой удар в лицо.

Ума не приложу, как удалось увернуться. Что-то во мне еще оставалось от прежней тренированной спортсменки-разрядницы. И оголтелой драчуни из гнилых подворотен предместья.

Кулак прошел в дюйме от моего носика, описал короткую дугу и угодил в замок на двери гаража. Следовавшая за ним голова врезалась в железный фонарь, висевший чуть выше. Так вышло оттого, что я ухитрилась толкнуть нападавшего в спину.

Как отреагировал Лео на своего – не видела. Когда нервно оглянулась, то обнаружила его, стоящим вертикально. Над горизонтально распростертым телом второго черного. Шест валялся рядом.

О Боги, Боги мои, какая повисла тишина!

Ровно на шесть секунд – я почему-то считала.

А дальше... Двое объявились спереди, трое возникли сзади. Такие же, замаскированные. И за поясами у них уже ничего не было – все в лапшах, обтянутых шерстяными перчатками. Полицейские дубинки, кастеты, арматура.

Леонтик укоризненно посмотрел на укрывшуюся за туманной дымкой далекую, обманчивую Селену и отчетливо произнес: «О-хо-хо... твою мать!» (о, счастливая Фея!) Подобрал омедненную палку и, внушительно опираясь о нее, как странствующий дервиш на посох, шагнул ко мне, подавая свободную ладонь ковшиком:

– Битте, мадемуазель?

Растерявшись, я вложила в нее опрокинутой горсточкой свою. Меня подвели к ближайшему каменному строению, возле которого стоял на четвереньках первый из поверженных – в себя он по-настоящему так и не пришел. Мой напарник вновь придал его телу поступатель-

ное движение путем мощного пинка в зад (макушкой о дверцу, гудение металла, сдавленное оханье, шапка не помогла) и продлил состояние прострации еще на некоторое время. Затем мне быстро шепнули:

– Живо лезь на крышу и вопи, что есть мочи! Подсадить?

В этом я не нуждалась. И возражать не стала, вспомнив, какую медвежью услугу оказала Леонтиску в той осенней ознакомительной драке с Марком Гальванием...

Подпрыгнула, подтянулась, вскинула ноги – и очутилась наверху. Отступила спиной вперед, дважды споткнувшись на выщербленной черепице. Обернулась и завизжала, как резаный поросенок.

Потому что угодила в объятия рыхлого, косматого, бородатого мужика.

– Надо же, что за девочки начали меня навещать! – довольно прогудел мужик, немного отстранившись и разглядывая мою раззявленную орущую глотку. – Какой темперамент! Сколько эмоций!

Тут я затихла, всмотрелась и узнала. Тимоний! Спившийся философ с Родоса! Тот, который врал про свои подвиги в Пунических войнах...

– Помогите!! – вновь закричала я. – Там на моего друга напали!

Бородач серьезно глянул на меня, обстоятельно высморкался и тронулся грузно, вперевалку, хрустя обожженной глиной. Мне пришлось буквально подтащить его к краю.

Леонтистка теснили, он отбивался с трудом. Две половинки сломанного шеста мелькали в его руках подобно барабанным палочкам, выбивающим предрасстрельную дробь. Подобраться к нему вплотную не представлялось возможным, однако атакующие не спешили, рассчитывая на неизбежную усталость и роковой промах. Правда, теперь их было уже четверо – пятый в отдалении катался по снегу, держась за глаза. Все происходило при полном молчании.

– Ах, до чего нехорошо! – изрек, наконец, Тимоний, засучивая рукава ветхого зимнего плаща. – Такое численное превосходство! Придется вмешаться!

С этими словами он присел и прыгнул. Вытянув в полете свои конечности на все четыре стороны света.

Схватка без правил внизу закончилась. Возникла куча-мала, и вот тут уж из неё поперли такие восклицания... На чем-то боку появилось обширное кровавое пятно и стало быстро расплзаться.

У меня сдали нервы. Желудок толчком бросил свое содержимое вверх по пищеводу, и я еле-еле успела отбежать к некоему подобию ивового шалашика. Дважды с конвульсиями вывернувшись подчистую, я рухнула, обессиленная, на драную подстилку и скорчилась, часто дыша и бессмысленно ощупывая ладонью испачканный рот.

Не знаю, как долго длилось это полузабытьё – при подъёме на крышу наручные астрономические часы треснули и остановились. В какой-то миг почудилось, что меня окликнули, хотя вряд ли неуместное: «Грაციэлла, ау!» прозвучало на самом деле. Ответить: «Скоро приду...» было совсем глупо, но именно так мои губы и прошепелявили.

Кое-как, неуверенно, вприсядку проделала я обратный путь и замерла, не доковыляв самую малость до краешка. Прислушалась и, не уловив ничего агонизирующего, медленно выглянула.

Та-а-ак, философ жив-здоров и занят типично мирскими делами: стоит у зарослей акации и обстоятельно мочится. Кажется, его и мой организмы настроены на схожие волны...

А что кроме?

Окровавленный снег, всюду натоптано, кругом раскидан боевой инвентарь. Кто-то расположился на корточках... ва-аа-ауу!

Леонтистка! Тоже не убитый! Сидит и грызет сосульку.

Висюк, соскок – я на земле. Подбежала к моему защитнику, убедилась, что он в самом деле цел и невредим. Почувствовала сильнейшую усталость. И депрессию. Съежилась рядышком и тоненько заскулила.

Мне сунули носовой платок. Помедлили немножко и использовали его по назначению в принудительном порядке. Подождали, покуда я не высморкаюсь, и, аккуратно свернув, спрятали в карман.

– Как твои сапоги? Каблуки не попортила?

Я оторопела, но одновременно и очухалась. Конечно, за последнюю неделю все уши ему прожужжала насчет редкой обновки! Неудивительно, что он запомнил. И обеспокоился. Милый...

Обувка оказалась в норме. Одежда не очень, и обыкновенным энергичным отряхиванием здесь обойтись не удастся – требуется капитальная чистка в домашних условиях.

Все равно я приободрилась. И желудочно-кишечная область больше не урчит... Правда, начал ворчать Лео, но беззлобно:

– Ты весьма своеобразно выполняешь полученные инструкции, – сказал он. – Да, верещала славно, спору нет, но непродолжительно. И очень уж примитивно! Простыми голосовыми модуляциями бандитов не напугаешь и не отвлечешь – их оскорблять надо. Желательно поименно... Кстати, никого из них не узнала? У пытавшегося тебя ударить во-о-от такой шрам через щеку, а у вырубленного мной...

– Ты путаешь обычную отопительную операторшу с ученой криминальной экспертшей, – я прервала совершенно излишнее изложение опознавательных примет. – И картотеку не вела, и случайно не замечала. Вот если бы хоть одним глазком глянуть на тех, кого рубили...

– К сожалению, ничего не получится. После того, как с твоей подачи на хребты этих уродов сверзилась во-о-он та мясистая туша и качественно травмировала самого опасного отморозка, интерес к сражению у менее отморозенных пропал начисто. Трое супротив двоих – явно не их стиль. Дали задний ход, подобрали увечных, взвалили на плечи и умотали. Сама понимаешь, мы им не препятствовали.

– А ведь зря! – (Тимоний неспешно возвращался, на ходу разбираясь с ширинкой). – Если б не тяжелая боевая рана, то я в плен кого-нибудь обязательно захватил бы! Чтобы на досуге потолковать с ним кое о чем. Душещипательно и телопобительно!

– Резон в этом есть, – согласился Лео и, швырнув в небо недоеденную ледышку, выпрямился. – Уж больно странным выглядело само нападение. Я и помыслить не мог, что существуют дурни, которые, выследив парочку, первым делом бьют девчонку!

– Возможно, надо мной планировали совершить гнусное надругательство, – зловещим шепотком предположила я и содрогнулась. – Для чего решили сразу обездвигить. А после того, как разделались бы с тобой... о-о-оо!

– По форме это была классическая засада, – (к сожалению, Корнелия ход моих мыслей не заинтересовал). – А по исполнению – бред собачий. На редкость убого и непрофессионально. При таком численном превосходстве нейтрализовать меня особого труда не составило бы. Это ведь лишь в театральных постановках типа «Семеро против Фив» герой Тидей на пиру у Этеокла легко и просто в одиночку расправляется с многочисленными насмешниками! В жизни так не бывает... Пошли отсюда.

– А как же раны философа? – встревожилась я. – Их же перевязать надо!

– Синяки обычно примачивают, а ушибы смазывают. Кровь на снегу не его.

Тимоний несколько смутился после такого заявления и, помявшись, нерешительно произнес:

– Вообще-то, я ночую в шалаше на крыше, откуда и атаковал негодяев. Там же и костерок развожу...

– Ни в коем случае. До утра побудешь у Грациэллы. А здесь поработает полиция.

В моем согласии на вселение временного квартиранта явно не нуждались, а протестовать я не посмела. Поскольку рот был уже приоткрыт, я им воспользовалась, чтобы солидными фразами выразить сомнение в целесообразности вызова представителей карающей власти. Философская волосатая пасть невнятным угуканьем меня поддержала.

– Я обращаюсь за содействием к своему знакомому, – успокоил Леонтиск и поторопил нас похлопывающими жестами рук. – Он тоже бывший спецназовец, правда, не из элиты. В местной антикриминальной конторе возглавляет одну из опергрупп в качестве эдила от плебса. Мой авторитет у него достаточно высок для того, чтобы помочь и не спрашивать лишнего. Вот почему Тимонию придется воспользоваться благодарным женским гостеприимством – возле домика Грации я вас покину.

Наверное, молчание, под знаком которого мы шли несколько минут, не понравилось элитному «тибровцу», и он выступил с пояснением:

– Поймите, друзья, в происшедшем необходимо разобраться! Или хотя бы поставить в известность власти. Случившееся не лезет ни в какие рамки – разве это не повод для беспокойства?

– Может, всё же сексуально озабоченная шпана? – я попыталась вновь эротически рекламировать собственную худосочную персону. Увы, эротики мои кавалеры определенно не углядели:

– Как минимум, троим ублюдкам было недалеко за тридцать. И потом, тебя даже не пробовали преследовать!

Этим выводом порадовал Лео. А философ еще и усомнился, а не виновата ли...

– А не собирались ли свести счеты как раз с карфагенской принцессой? – сумел он соединить в одном вопросе и комплимент, и обвинение. – Предположим, что госпожа выдала ряд авансов и позабыла о последующей оплате!

– Клянусь Метидой: госпожа-принцесса на данный момент не имеет ни хамоватых хахалей, ни горячих любовников, ни всяких-прочих отвергнутых обожателей! – сердито окрысилась я и, возведя очи к Селене, отчеканила: – Разведена и безгранично свободна!

– Тогда лабиринт заканчивается тупиком. Куда можно запросто угодить снова. Не сегодня, не вздрагивай...

Нервишки мои опять затрепетали: привиделось, что впереди и впрямь нет никакого прохода! Проклятые гаражи пугали своими мохнатыми снежными шкурами, казавшимися в вечерней темноте живыми и равномерно дышащими. Это были уже не загнанные пелионские кентавры, а страшные северные медведи, затаившиеся в ожидании добычи... Из каждого закоулка и поворота лезла оскаленной, длиннозубой пастью вязкая мгла и тянулась почему-то именно ко мне. Спустя мгновения морок отступал, а ветви кустов, опутавшие грязные строительные камни, принимали свой подлинный вид, но я не испытывала ни малейшего облегчения. И это находясь между двух мощных, бесстрашных парней!

Снежный ком, свалившийся невзвесть откуда на щеку, окончательно меня доконал. Я вцепилась обеими клешнями в расслабленный бицепс Леонтиска и унизительно запищала:

– А если нас подстерегают? Там, за углом? Или сверху как прыгнут, как навалятся!

– Исключено, моя слабая пешечка, – мерзавцы удрали в противоположном направлении, – мягко возразил Лео, неожиданно низведя меня с королевны до служанки. – Все скопом!

– Эт-т'точно, – подтвердил Тимоний странным голосом и остановился. – Они почапали на территорию Учреждения. А вот подкрались со стороны Грабциевой дороги. Доказательство перед вами.

Он скверно выругался и указал рукой.

Возле дальней стены, посреди черного, спекшегося снега лежал крупный, лохматый зверь. Такой же багрово-черный след прерывистой полосой тянулся и пропадал... пропадал...

О, Господи Иисусе! Мой Кербос!

Я бросилась к нему, споткнулась и упала на колени. Слезы хлынули из глаз ручьями. Маленький янтарный зрачок чуть приоткрылся. Раздалось тихое, гортанное рычание. Пушистый хвост слабо шевельнулся.

Уткнувшись носом в окровавленную собачью шерсть, я отчаянно завывала.

Подхватив под мышки, Леонтиск вскинул меня на руки и отнес подальше. Затем быстро вернулся и склонился над раненой овчаркой. Сдернул с шеи вязаный шарф и подозвал философа нетерпеливыми взмахами ладони.

Я сидела на чем-то влажном и безостановочно плакала, ухватившись за виски. Недолго – с бабьей истерикой церемониться не стали.

– Гракова! – рывкнул мой напарник. – А ну, бегом марш к себе в норку! К нашему приходу чтобы были готовы бинты, ножницы, тазик, горячая вода, спирт и антибиотики! Да живее, копуша!

Хлюпая и беспрестанно утираясь, я побежала выполнять приказание...

5

... Ближе к полуночи все мы основательно нализались. Естественно, кроме бедного Кербоса, который находился в полузабытии на вышитом коврикe возле камина с потрескивающим в нем большим сосновым поленом. Хруста много, тепла мало.

– У вас слишком уж бедные запасы горячительного, о принчипесса! – отечески выговаривал мне Тимоний, развалившийся на голом полу с киликом в руке. – И градусы, градусы далеко не на должном уровне! Глинтвейн? Не одобряю!

– Так извели же всю виноградную водку на лечение пострадавшей псины! – стойко защищалась я, отмахиваясь папирусом. – Какие были страсти... А я, дура, еще хотела идти на медицинский!

(По гроб жизни не забуду поистине критического эпизода, когда нужно было туго-натуго перебинтовать израненный собачий бок. «Я обмотал мокрой тряпкой ему челюсти – будешь держать их, пока я не сведу края раны и не обработаю», – велел мне Лео. – «Может, лучше лапки? Передние или задние?» – неуверенно предложила я. – «Не справишься – тут нужна настоящая сила... философская. А тебе самая простая работа выпала. Только ни на секунду не ослабляй хватку! Иначе без пальцев останешься!»)

– Он выживет? – я всё-таки задала мучивший меня вопрос. Леонтиск сожалеюще пожал плечами:

– Колото-резаное отверстие, довольно глубокое. К счастью, внутренние органы не задеты, а к несчастью, приличная потеря крови. Ему бы сейчас переливание, капельницу... Э, о чём говорить! Этим тут люди не обеспечены, не то что животные. Короче, всё в руках... сама знаешь, чьих.

– Сдохнуть не должен, – деликатно утешил Тимоний. – Метисы, они очень жизнестойкие. Тем более, такой молодой!

– Как определил?

– А по зубам. Целенькие, не сточенные – мечта стоматолога!

– Стоматологу наоборот больные нужны. Иначе на что жить будет?

– Ну, значит, косметолога... Еще по одной, хозяйюшка?

Я трагически вздохнула и нетвердыми (крест-накрест) шажками поплелась на кухню.

Явление через четверть часа на подносе глазастой яичницы с запеченной в белке колбасой да при полуштофе настоящей самнитской «Двойной Анисовой» (из запасов) было встречено бурными возгласами одобрения. Я тоже хлебнула за компанию и поплыла, поплыла... То уходя в глубину, то выныривая обратно на поверхность.

И что хорошего я находила в одиноком, независимом существовании? Вон как славно в обществе приятелей! Надо будет почаще их приглашать...

Уютно мне сделалось. Рядом с Лео на диванчике. Двое надежных самцов по близости, скоро третий подойдет. И частично прирученный домашний зверь на подстилочке...

Кстати, надо поглядеть, как он там. Нос ему пощупать.

Горячий, конечно. А брюхо вздымается, вроде бы, ровнее.

– Между прочим, он кого-то здорово потрепал, – сказал Тимоний. – Прежде, чем его подрезали. От чьих-то штанов прямо ключья летели!

– Это единственная зацепка, – заметил Леонтиск, втыкая заостренную палочку в поджаристый ломтик «любительской». – Брюки привыкли носить исключительно солдаты, и лишь те, кто служил в Альпийской Галлии. Оттуда и название пошло: «bracata». Возможно, Манилий что-нибудь еще обнаружит.

– А ведь я твоего эдила зна-а-аю! – пропела я, отщипнув и прожевав кусочек яичного желтка. – Едва ли не с детства! Самостоятельный, упорный молодой человек, поставивший себе целью сделать карьеру без протекции. Что плебею весьма затруднительно. Добровольцем отправился на войну, и награды его не обошли. Возвратившись, начал с круглого нуля и – вуаля – уже помощник народного трибуна! Пойдет и дальше, уверена. Повышает свое культурное образование и не скупится на платных учителей. Что еще? Ах, да! Непримируемый враг Марка Гальвания и иже с ним!

– Подробное досье, хвалю – одобрил мою информацию Лео. – Я всего этого не знал. Познакомился случайно около года назад во время плановой проверки документов на рынке и...

– ...и был препровожден в камеру предварительного заключения? – догадался философ. На него воззрились с удивлением:

– С какой стати? Нет – в ближайшее кафе, где встречу и обмыли.

– Везет же военным! – завистливо вздохнул Тимоний и потянулся к анисовому алабастру. – Уважение к форме заложено чуть ли не в подсознании у каждого! Или еще глубже. А у нас – сплошное выяснение отношений. Что в трущобах, что во дворцах!

– Неужто приходилось бывать? Я про дворцы...

– А как же! В молодые годы и зван был, и избран. Такие дискуссии вел перед ликом императора с противниками истинного учения – на загляденье! И за словом в карман не лез. Разве что за тряпицей – пот с рожи утереть. Или кровушку, когда у оппонентов аргументов не хватало, и они начинали хватать за грудки, царапаться и плевать. Цезаря это забавляло больше всего.

– Интеллектуальный уровень нынешних владык! Для них высший кайф – когда мыслители дерутся, а говночисты разглагольствуют, – презрительно высказалась я и спросила иронично: – Так что за истину ты проповедовал? Небось стоицизм?

– Обижаете, горожаночка-карфагеняночка! Одухотворение Природы, идея Божества в качестве сознательной Души Мира – мысль очень правильная, но в остальном всё так грубо! Учение же, апологетом коего я выступал, лучше всего характеризует термин «неоэпикурейство». Это ведь только для профанов последователи Эпикура стремятся всласть нажраться, вусмерть упиться и со всевозможными извращениями отыметь предельно допустимое количество девиц (вариант: парней). А посвященные знают: суть – в избавлении человека от страданий! Я же в теорию привнес цicerоновское толкование бессмертия души, что, согласитесь, неприемлемо для любого правоверного эпикурейца. В центр мною было поставлено ключевое понятие «терпимости»: люди не обязаны верить или не верить в вечность своего внутреннего «Я». Согласие, равно как и отрицание, не влечет за собой ни награды, ни наказания, ни восхваления, ни анафемы. Постулат усвоен? Замечательно! Пойдем дальше...

К разочарованию необолтуна пойти довелось мне. И в реальном смысле, ибо в дверь отрывисто постучали.

Поскольку бедной девушкой как женщиной нынче пренебрегали все – от гипотетических насильников и до героических защитников – то я задумала встретить бывшего детского приятеля в высшей степени эмоционально. То есть, обнять и обчмокать. На законных правах советской подруги из песочницы.

В какой момент глупый мозг произвел корректировку планов – не помню. Причина-то понятна: эта самая коварная полуштофная «Двойная»...

В итоге с третьей попытки я впихнула ключик в замочную скважинку, а со второй крутанула в нужном направлении. Затем с натугой исторгла из себя хриповатое: «Войдите-а-аа!» и затаилась за вешалкой.

А когда гость нарисовался – сиганула на него из засады с радостным кличем: «Ага, поймали!»

И... и оказалась в пикантнейшей ситуации, о которой постоянно грезил: тело согнуто пополам под прямым углом, спина вытянута и напряжена, за кормой парень... Правда, не из грез, а всамделишный.

А еще руки, заломленные в локтях назад чуть ли не до затылка. О-го-го!

Было больно, но я терпела. Ожидая не известно какого продолжения.

В гробовой тишине прозвучал бесстрастный голос Леонтиска:

– Манилий, драгоценный вы наш, решитесь же на определенный поступок! Мы заинтригованны! И дама томится в растерянности...

Мне приподняли подбородок, заглянули под растрепанные волосы и шумно выдохнули. Отпустили и шепотом отвесили в ухо порцию таких словечек, что даже я покраснела.

Секст Манилий Флакк прошел вглубь комнаты, сухо потер ладони и сел рядышком с Тимонием. Бесцеремонно отобрал у него пузырь и приложился к горлышку. От закуски отказался, как и от папируссы.

– В три часа пополудни мы брали в номерах одну «ночную стрекозу», – сказал он негромко. – Она, принимая клиента и доставая противозачаточные таблетки, имела обыкновение невзначай путать их с клофелином. К этому наши были готовы, а вот к ее нападению из-за шкафа с бритвенным лезвием между пальцев – нет. Кстати, Грачик, прыжок очень напоминал твой. Ты уж извини. Рефлексы.

– Что за бездарный мир! – сокрушенно молвила я, прихорашиваясь посредством правой пятерни (посредственно, разумеется). – Намереваясь слегка пошутить, извольте сперва сделать поправку на профессиональные склонности участника шуток, да? А ведь я могла и брыкнуть ножкой в брюшко! Или пониже!

– Попала бы по воздуху, – буркнул друг детства. – При захвате «обратный угол» оперативник обязан стоять сбоку, возле левого или правого бедра субъекта задержания. Что я и делал.

Да, наверное, поэтому наши отношения много лет назад так и не перешли в личные. Слишком он был рассудительным. А я, соответственно, импульсивной.

А жаль! Красивый юноша... виновата, мужчина. Типичный потомственный этруск: темно-русые кудри (завивки не надо), нос с едва заметной горбинкой у основания, продуманная небритость лишь ярче оттеняет полные, алые губы... А еще высокий рост и широченные плечи! Хорош, привлекателен, неотразим.

– Лео, имеются кое-какие сведения, – известил неотразимчик. – Tete-a-tete желательно, а?

Во, педант несчастный! Как будто нам потом не расскажут.

Я двинулась к двери и подала философу знак следовать за мной – он его не понял. Пришлось лихо щелкнуть себя по горлу – тут с пониманием проблемы не возникло.

Тимоний был страшно разочарован, когда на кухоньке ему вместо чачи предложили чаю. Нечленораздельные протесты я в корне пресекла хозяйским: «Обойдешься!»

– Спать будешь в кладовочке, – обрадовала его я и, выслушав долгие возражения, успокоила: – Ничего, прекраснейшим образом поместишься! На самом деле, это обыкновенная комната – просто туда я сваливаю вещички, не особенно нужные в настоящем времени, но которым найдется применение в будущем. С твоей помощью мы этот хлам немножечко подвинем и освободим просторный уголок. Но предупреждаю: никаких сластолюбивых поползновений! Типа пристроиться ко мне под бочок в середине ночи!

– Да как можно! – пробасил мой постоялец тоном многодетного, верного семьянина. – Я-то вижу, на кого ты запала! И кто внимательно глядит на тебя...

– Ага, и очень давно! – самодовольно подтвердила я и замолчала, грустно отвернувшись. Потому как взглядами всё и ограничивалось.

В прихожей раздалась приглушенные голоса – мои отставные десантники прощались. Хлопок, щелчок, и за стеной дома застучали сапоги. В дальнем затененном окошке мелькнул откинутый блестящий капюшон прорезиненного плаща Манилия и пропал во мраке двора. Калитка грохнула о штакетник с чувством прямо-таки оголтелой враждебности к оставленному мирному жилищу, что меня весьма беспокоило. Неужели мальчишки поссорились?

Вошедший с озадаченным видом, Леонтиск моих опасений не подтвердил, но на этом все радости для нас и закончились.

– Раздражение Манилия – если это было именно оно, а не случайная неловкость – понять можно, – поделился он своим мнением. – У него выдался трудный денек: облава, задержание, очные ставки... К тому же ему как старшему предстоит отписываться по поводу инцидента в номерах – сотрудника ведь порезали! А тут еще я с новыми заморочками...

– Такая у них работа! – блеснул оригинальной мыслью озадаченный мною философ. – Опера обязаны расследовать каждое поступившее заявление!

– Секст и провел быстрое следствие, причем лично возглавил патруль. С факелами прошелся по всей «гаражной» трассе – от Грабцовой дороги и почти до стен Учреждения. И не обнаружил ничего. Ни отпетых нарушителей общественного порядка, ни пролитой крови, ни орудий и предметов, приспособленных для нанесения травм и увечий.

– Ну и новость! – опешила я. – Ты не шутишь?

– Не расположен. А теперь прикинь: поднятый по ложной тревоге, умученный Манилий является сюда не в лучшем душевном состоянии и находит нас крепко поддатными. Плюс твоя разудалая выходка и вызванные ей скверные ассоциации... Да я еле-еле его убедил, что слишком воспитан для подобных идиотских розыгрышей! Впервые моему слову не сразу поверили!

– Постойте, уважаемый Корнелий! – нахмурился Тимоний. – Неужели вы хотите сказать, что полицейские топали мимо гаражей по ровной целине?

– Напротив! – покачал головой Лео. – Утрамбовали там на совесть – снег, который предварительно кто-то натаскал. И которым тщательно присыпали все подозрительные места. Вытоптали землю не хуже стада мавританских слонов!

Воцарилось продолжительное молчание, нарушаемое лишь противным скрипением философской бороды – ее мучительно продирали пальцами. Немного протрезвев, я попробовала проанализировать услышанное и заподозрила, что...

– А Секст больше ничего не сообщил?

– Я представил точный его отчет, – немедленно ответил Леонтиск. – Пересказанный своими словами, естественно.

Я радушно покивала челочкой, ибо в последнем не сомневалась. А вот в точность не поверила.

Чёрные фигуры: Шёпот Цирцеи

1

При приеме вечерней смены нас огорошили известием, что Сергей Шлеппий Центаврус собирается увольняться.

Грациэлла была растерянна, но старалась держаться независимо.

– И где он исхитрится найти работенку, на которой допускается почти свободно пьянствовать? – вызывающе поинтересовалась она. – В наше-то суровое времечко!

– Ты забыла о его недавнем идейном пе-ре-рож-де-ни-и... – практически побуквенно напомнил я не без сарказма. Это почувствовали и оживленно подхватили:

– Как же, как же! Изменить вульгарное «поправился» на пристойное «причастился» – что за шикарный поворот в сознании! Использовать религию в качестве инструмента для регулирования употребления алкоголя? Фи и фу!

– И это только начало морального краха человечества. Постепенно вера в Идеалы сменилась верой в Идеальную Личность, ну а дальше всё сведется к известной восточной пословице: «Истина светит ярко, но вот греют именно деньги». Логично?

– Даже чересчур! Рыночные отношения проникают повсюду. Вот увидишь, скоро отпущениями грехов начнут торговать!

– Надеюсь, что до такого позора не доживу. Ладно, я проверяю внизу, а ты наверху. Или наоборот?

– Первоначальный вариант. Мне надо в лаборантской с Шушечкой кое о чем посплетничать...

Традиционный обход первого этажа привел меня в темный тупичок перед дверью в берлогу ремонтников, из-за которой доносился оживленный мужской галдеж. Подумав, я надавил плечом на невидимую табличку: «Курить и сорить!» и вошел.

Комната освещалась всего двумя надтреснутыми светильниками, причем дальний периодически мигал с разной контрастностью. Кругом было накурено и насорено в полном соответствии с дверным предупреждением. Стол являл собой картину под названием «Кошмарный сон домохозяйки»: лужицы масла (подсолнечного и машинного), кости, крошки, объедки, хвосты, пепел, болты, гайки...

Несмотря на позднее время, трудовой ремонтнический коллектив был в полном составе и занимался содержательной обмывкой будущего увольнения. Обмывочная жидкость к воде имела косвенное отношение.

– Привет ветеранам «Тибра»! – значительно изрек Самсоний Сычий и указал мне на свободный краешек хромой скамейки. – Проходи, садись, закуривай...

– Пускай клюкнет сперва! – Сергей Шлеппий внес существенную поправку в предложенный перечень действий. – Филиппий, насыпай!

Я не отказался.

– Умеют кушать господа десантники! – с уважением заметил Аркадий Арбузий, принимая из моих рук опорожненный в три добрых глотка килик «натурального греческого» и подавая взамен выдернутую из тушки копченой курицы коричневую пупырчатую ногу. – Салат, извини, закончился, так что придется налегать на мясо и хлеб.

– Тоже недурственно...

– А я способен из горла цельный алабастр опростать! – заявил с пола Локисидис, поднявшись на локте. Вскинув бороду к потолку, он быстро зашевелил серыми губами, то ли

считывая одному ему видимую информацию, то ли прикидывая последствия, и с сожалением заключил: – Но до дома тогда не дойду...

Еще с минутку поразмыслив, добавил:

– И доползти не получится. На улице Бутомия воткнули пост с дюже злыми полицаями. Непременно изловят и упекут в трезвяк.

– А откупиться? – осведомился Сычий, деловито принимаясь за сало. Обмуровщик сокрушенно чихнул:

– ...чх-хии... Нет, с ползучих они не берут. Зачем ограничиваться мелочью, когда можно в тихом переулке вывернуть карманы и выгрести всё?

– Правильно мыслишь, – кивнул Самсоний, обгладывая жирную, золотистую корочку. – Сам так и делал, когда по молодости состоял в органах.

– И через это сел? – полуутвердительно хмыкнул Гаммий. Сычий поднял на него спокойные голубые глаза:

– Сидит, бугорок, опущенный на «палке», а приличный человек срок мотает. Почти через то. Один бедолага нехоти во время шмона очнулся и задергался. Шуметь начал... Вот и пришлось ему шею чутко поприжать. Да перестарался я малость. Как потом объяснили судмедэксперты, жилка какая-то важная у него перекрылась, и кровь перестала поступать к сердцу. Или обратно – разве этих приспешников Аида поймешь? Бывает же такая невезуха!

– Что ж не отбрехался? – любопытствовал Арбузий. – Сказал бы: «Несчастный случай...»

– Не вышло и не получилось. Свидетели, как назло, нашлись. Когда нужно, так их днем с огнем не сыщешь, а тут откуда ни возьмись... Да и один гнилой корешок из наряда зуб на меня имел – дал показания, сука. Я, как освободился, дом его спалил.

– Значит, лучшие годы провел на «аленьком цветочке»?

– На «красной», где ж еще. А там нравы покруче, чем на иных «зеленых». От власти, которую имели на воле, ой как трудно отвыкать! Многие по привычке в авторитеты лезли без серьезных на то оснований. Разборки были – Аресу на загляденье!

– А сам на отдельную койку у окошка не зарился?

– Зачем? – удивился Самсоний и пригубил пивка. – Заботы лишние нужны, что ли? Я сразу себя поставил «хоботом», благо силушкой и характером не обижен. Паханов уважал и на рожон не пёр, но и тяжелее кружки редко когда поднимал. «Шестёрками» на третьем году лагерной скуки обзавелся – всё, как у серьезных людей. Только без ежедневного командования другими. Не люблю.

Ветер упруго нажал на скрипнувшую форточку и вдруг толчком распахнул ее настежь, ударив о стену. Хрупкое, в нитях трещин, стекло зазвенело, рассыпаясь на осколки, размером чуть побольше самих снежинок. В комнатке сразу зашквозило, запело, завьюжило... Центаврус недовольно поморщился и заткнул отверстие подушкой в мятой наволочке, демонстрировавшей все мыслимые и немыслимые оттенки серого цвета.

– Не было у нас порядка и не будет! – горестно провозгласил он и в сердцах стукнул кулаком по колену Арбузия. – А всё почему? А потому, что в низшую и среднюю структуры пирамиды власти устремились вот такие глоты!

Шлепкий всклокоченным темечком боднул воздух в направлении спеца по соединениям-разъединениям, который с невозмутимым видом лениво попыхивал папирусой.

– Ты считаешь, что я не реализовал свои руководящие возможности в достаточной степени? – крадчиво спросил он. – Наめкаешь, что мое место на самой вершине?

– Сказал бы я, где твое место, да опасаясь в пятак схлопотать...

– Верно опасаясь – у меня не задержится. И не посмотрю, что в дружбанах состоишь.

Увольняющийся по собственному желанию, пошатываясь, встал, держа в вальсирующих руках очередные дозы выпивки и запивки. Приковав к себе внимание, Сергей глубокомысленно произнес:

– Я неоднократно убеждался, что у присутствующих тут интеллектуалов с творческим воображением всё в норме и даже сверх того. Так не попробуете ли мысленно представить нашего Сычия в роли императора?

Кажется, Гаммий, Арбузий и я честно попытались это выполнить. После минутного сосредоточения на заданной абстрактной проекции мы переглянулись, поёжились, почесались, кто где, и потянулись за подкрепляющим.

Последний мой глоток совпал с итоговым выводом, неожиданно озвученным напольным Локусидисом:

– Самсоний на троне? Ну, тогда Калигула с Нероном могут отдыхать!

– Тю на тебя, дурилка горизонтальная! – дунул вниз Сычий, однако было заметно, что он польщён. – Мой род крестьянский, ребяташки! И к сановному хулиганству не приучен!

– А велика ли разница в вариантах хулиганства? – грустно спросил Шлеппий. – Что мужички поначалу проделывали с инспекторами, выявлявшими излишки зерна? А в навозец по самые брови закапывали. Обстоятельно и без сантиментов. Так ведь то, что делается от ненависти, получится и со скуки! Главное – склонности, склонности...

– Спец, тебя обвинили в потенциальном садизме! – (я уже убеждался не раз, что из Гаммий выйдет первостатейный провокатор). – Ответь!

– Запросто! – согласился Сычий и подался чуть вперед. – Начну, как водится, с примера. Попали однажды на мою зону с полдюжины интеллигентишек – то ли из адвокатуры, то ли из профессуры – короче говоря, взяточники. И вот один из них стал передо мной свой нос задирать. Я ударение в слове неправильно поставил, так этот сохатый поправлять полез. Чуть ли не лекцию прочел о правилах да об исключениях! Я лажу выслушал спокойненько и отошел. А через полчаса к грамотею тихо так подваливает некий шкет и закурить предлагает. Умник с восторгом сигарку хватает, смолит... Потом идет в столовку и получает там миску, пробитую заточкой. И с помощью пинка отправляется за позорный стол. А после хавки – в позорный барак. Суть происшедшего ясна?

– Кристально, – подтвердил Филиппий. – Ты ему «хохлатика» подослал.

– Ага! Которого дозволяется только иметь. А брать у него ничего нельзя да и здороваться тоже – иначе сам таким станешь. Так вот, хотелось бы знать, что собутыльники думают о моем поступке?

Возник небольшой тайм-аут: желающий комментировать первым нашелся не сразу. Наконец, Аркадий Арбузий нетвердо сказал:

– Мне он не нравится.

– Не удивлен: настоящего «мужика» видно за версту, – удовлетворенно отметил Самсоний. – Дальше!

– Мелкая месть оскорбленного самолюбца! – с вызовом откликнулся Центаврус. – Пакость, и ничего кроме!

– У тебя есть кое-какие задатки бунтаря, но до хорошей взбучки, – усмехнулся спец. – Обломали бы скоро-оо! Дальше!

– Воспитание подчиненного состава на сильном и доходчивом примере! – (Гаммий поразительно ловко уклонился от какой-либо конкретики). – Я видел нечто похожее.

– Ну, декурион он и есть декурион... И последний? Бревно по кличке «Локус» не в счет!

Я посмотрел на возбужденную рожу Сычия, перевел взор повыше, на литое распятие на стене и холодно сказал:

– Поступок правильный.

Мою ладонь сграбастали и уважительно пожали. Похвалили и словесно:

– По понятиям соображаешь. А остальным фрайеркам придется вновь напомнить кое-какие прописные истины. Как только кум сватает со статьей, так он тебя, считай, заново крестит. И крестит куда круче, чем даже сам Иоанн Иорданский. На этой земле в ранге Иеговы-Саваофа – Опер да Пахан, а основная заповедь у них обоих одинаковая, знаменитая: «Не верь, не бойся, не проси!» Это куда надежнее, чем заезженное талмудистское: «Чего себе не желаешь, не делай и ближнему своему». Фарисей Гиллель умен был, да наивен слишком. Три «не» надежнее двух...

Ветер снаружи навалился на оконную раму, завыл, забился, силясь выпихнуть из разбитой форточки подушку. Ему удалось отогнуть уголок и проникнуть внутрь помещения. Сидящих он освежил, а лежащего, кажется, простудил – Локисидис снова чихнул да так, что пыль взвилась до крышки стола.

– А игде... кхе-кхе... моя доля? – прокашлял обмуровщик и, приподнявшись, выложил на эту крышку свою клиновидную бороду. Поворочав ей и подметя немного скатерку, он принялся и озабоченно произнес:

– Чують чую, но почти на самом доньшке!

– А ты еще понирванься возле наших ног, так вообще ни с чем останешься, – утешил его бригадир и сосредоточенно поболтал остатками пойла в одном из алабастров. – Завидую тебе: захотел ширануться – лег, нанюхался портянок, и готово! Никаких материальных затрат, достаточно лишь разуться... Так ты сидячее положение собираешься принимать или из блюдечка лакать соизволишь? Могу накапать!

Локисидис поспешно уселся на подобранное у стены березовое полено, на что ушло какие-то две-три минуты. Попутно он в очередной раз раскатисто чихнул и обильно обрызгал всех своих коллег. Инфекции в каплеобразной форме не досталось лишь мне да и то потому, что пришлось быстро наклониться и поправить деревянную чурочку. Чем уберег чурку с глазами от падения.

– Задом не ворочай, – предупредил я Локиса, который обеими грязными лапами тянулся к заветному сосуду. – Не ворочай задницей, говорю! Иначе грохнешься.

– Так я тут, наверху, ненадолго, – успокоили меня. – Приму вот положенную микстуру, и опять на постельный режим!

Впившись губищами в алабастр, как голодный младенец в соску, обмуровщик жадно заглотал крепчайшее зелье, даваясь и обливаясь. Передав зачем-то опустевшую посудину мне, сгреб со стола что-то и кем-то недоеденное, запихал в свою волосатую пасть и с урчанием принялся поедать. За ним наблюдали искоса, с привычной, усталой брезгливостью.

– Самое удивительное, – негромко сказал Шлеппий, – что сей гиббон имеет очень даже недурную жену, а детишек наделал аж шесть штук! Впрочем, последнее для истинного гиббона не предел...

– Ага, все мои детушки внешностью в супружницу пошли, в раскрасавицу! – охотно подтвердил Локисидис и выудил из банки пузатый малосольный огурец указательным и средним пальцами, заодно прополоскав их в рассоле. – Недаром же к моей Любании клеились и Сергей, и Филиппий, и Аркадий!

– И я тоже, – выразительно добавил Сычий. – Только ты о том не знал.

– Так ведь всё одно отшила! Нет?

– Угадал. Точнее, отбрила. Слушал с истинным наслаждением – бабская ругань не в пример изобретательнее нашей.

– Да, Любанька за словом в пазуху не лезет. И к чужим приставалам под тунику тоже. А почему? А потому, что я ее полностью удовлетворяю! И как племенной жеребец, и как удачливый добытчик!

Хвастливо сообщив о своих достоинствах производителя и охотника за материальными благами, Локис поднес обреченный овощ к зубам, примерился и загрыз в мгновение ока.

В каменном веке ему не было бы равных, подумалось мне.

Похоже, нечто подобное пришло на ум и бригадиру, но мою мысль он развил иначе:

– Я не сомневаюсь, что по части выживания наша ходячая помойка и чистюле Самсонию не уступит, – сказал он. – Ну а если продолжить давешний смешной эксперимент и вообразить Локисидиса где-нибудь во властных структурах?

– В качестве любимого вольноотпущенника? С трудом, но получится, – отозвался Центаврус. Всмотревшись в своего шерстистого товарища так, словно видел его впервые, он добавил: – Конечно, не типа всесильного Хрисогона, а рангом помельче. Принимать клиентов господина, руководить хозяйственной деятельностью... В пределах муниципалитета, не выше.

– Да я и с работой казначея управлюсь! – огорошили нас заявлением. – Ввиду своей неподкупности! Ни одного сестерция по блату не отпущу!

– Да? Значит, месяца три просидишь, – выдал свой прогноз Сычий. – Встрепанной несущкой на золотых яйцах. Потом убедившись, что прогнать глупую клушу с гнезда не выйдет, ей свернули бы шею. Способов много!

– Тогда что же получается? – подал голос я. – Гальвани у власти будут заниматься, главным образом, собственным бизнесом; Локисидисы долго не просидят ввиду своей упертости; Шлепий пропьют всё подчистую – что с христианством, что без него. Люди, подобные мне, тем более не годятся, так как грешат зачастую излишним благородством, граничащим с чистоплюйством. Самсоний дал себе самоотвод, хотя тирания, по сути, не такая уж плохая вещь. Во всяком случае, не хуже демократии. Может, руководящие кресла предназначены парням типа Гаммия? Бывшим военным?

– Меня допускать рулить никак нельзя, – немедленно возразил Филиппий. – Я сразу же воровать начну.

– Это почему?! – изумился Арбузий. Отставной декурион развел руками:

– Сам не понимаю. Не оттого, что совсем уж бедствую, или дурные наклонности какие. Просто точно знаю – не удержусь. Ведь в голове не укладывается: как это – заведовать складом и не хапнуть? Меня потому из интендантов чуть было не попёрли. Едва-едва большой взяткой откупился...

– Вот и приехали! – воскликнул Центаврус неожиданно вполне членораздельно. – И в результате всем заправляют беспринципные господинчики, образа и подобию нашего плембейского Короля! Выслужившиеся из челяди, из дворни, из холуев! Из рабов-любимчиков и нахлебников! Такие трудовому народу никогда не позволят вздохнуть полной грудью!

– Очень агитационно. Как на выборах, – съязвил Сычий и взялся за очищенную розоватую луковицу. – Однако трудящиеся массы жаждут пояснений!

– Айн момент! Уж поверьте на слово: Саблюнии всех мастей и окрасок страшны именно остротой своей позорной памяти. Которая у них никогда не притупляется! А посему им всегда мало одного чистого самоутверждения – необходимо постоянно лицеизреть унижение соседа. Им мало выезжать цугом на колеснице от престижнейшей египетской фирмы «Сезострис и братья» – нужно, чтобы у как можно большего числа сограждан средств хватало лишь на покупку отечественных развалюшек «весталок»!

– Нет, как испоганился простой люд! – презрительно скривился Сычий, энергично хрустя луковкой. – Надо же этак похабно выражаться! Сплошь и рядом слышишь: «Пошли, покажемся на «весталочке...» Кстати, на столь уж и скверная колымага. Если довести до ума, конечно.

– Эт'точно, опошлить всё сумеем, – охотно согласился Шлепий. – Но, с другой стороны, как еще по-народному назовешь продукцию транспортной компании «Веста-Лакония»? Ну и сексуальный подтекст имеется, как же без него... Ежели натуральные девственницы в Империи перевелись, то остается зубоскалить про целочек недоступных!

Порассуждать на лакомую женскую тематику нам помешало неожиданное появление женщины вполне конкретной. За стенкой послышался мелкий-мелкий дробный топоток, и, лихо высадив дверь плечиком, в комнатку ворвалась запыхавшаяся Грациэлла.

2

Помимо многочисленных бусинок пота на лице и порядком растрепанной прически в глаза бросалась явная растерянность моей напарницы. Неужели за время моего не совсем учтывого отсутствия произошло нечто непредвиденное-кошмарное? Ничего ведь не вякало и не звякало!

Обнаружив в столь позднее время такое количество хорошо знакомых алкашей, Грация сперва оторопела, а затем, по своему обыкновению, очень эмоционально подпрыгнула.

– Мальчики-мальчики, – затараторила она с частотой падающего града, – или скорее разбегайтесь по домам, или крепко-накрепко запирайтесь и сидите тихо, как мышки-лягушки! Я вызываю «аварийку»!

– С какого-такого переляку? – Гаммий слегка встревожился. – В нашем хозяйстве тятляп давно исправлен на тип-топ!

– И кроме того, чего нам бояться? – вскинулся Арбузий. – Рабочий день давно выпал в осадок. А рабочий люд сидит и культурно отдыхает!

– А ежели и пьянствует, то ведь не без повода же! – вставил Шлепный. – Мои проводы, так сказать!

– Тебе лично уже ничего не грозит, а вот остальные могут лишиться премиальных. Сегодня в «А-Дэ-ЭС» главным дежурит Тит Гнутый Балбус. Тот самый, который иногда заикается, повышая голос при этом. И с бородищей наподобие Локисидисовой...

Все перевели взгляды на обмуровщика, который от такого внимания застеснялся и прикрыл волосню, что ниже подбородка, обеими ладонями. Поскольку его почему-то продолжали пристально рассматривать, он грузно плюхнулся на колени и отполз в дальний угол, где и замер, заслонившись поленом.

– Знаем такого бригадирчика, – согласился Сычий. – И что?

– Гнутый из бывшего начальства. Средненького, профсоюзного, – пояснил я. – Пониженный в должности за то, что однажды наорал на начальство высокое. И вдобавок обдал оно вонючей слюной. Нет, будучи под воздействием не денатурата, а редкостной природной дури. В итоге, оказавшись вместо отдельного кабинета в общей халупе, он нимало не пал духом, а незамедлительно создал в своей «аварийной» смене атмосферу доносительства, наущничества и ябедничества...

– Лео, нам недосуг вникать в нюансы этих неприглядных синонимов! – перебила меня Грация. – Заклинило паровую задвижку на паропроводе водоподогревателя! А Балбус, объявившись здесь, помочь, конечно, поможет, но в нагрузку самолично проинспектирует у нас все – «от» и «до». И завтра доложит о найденных недостатках на планерке самому Авлу Корзявию. И тому придется реагировать! На мелочи он глаза закроет, а вот гулянку на рабочем месте вынужден будет увидеть.

Ремонтники многозначительно переглянулись – впрочем, к Самсонию это не относилось, спец был абсолютно спокоен. Родич, как никак!

– Мой приятель, обещавший развести по домам нашу теплую компанию, появится через полчаса, – невозмутимо сказал он. – Плюс-минус десятиминутка. Думаю, операторы подождут столько с вызовом, а?

Последнее слово оставалось за Грациэлкой, но произносить его она отчего-то не спешила. Тогда бригадир поднялся и торопливо направился к выходу. Арбузий не менее споро последовал за ним.

Дольше засиживаться было совсем неприлично, и я тоже встал, радуясь, что не пошатнулся. Мое запоздалое включение в трудовую деятельность выразилось уместной фразой: «Остановиться бы не мешает...»

– «Отопустик» давно уже остывает, а пар благополучно стравливается, – не без холодка в голосе ответила девушка. – Звонилку я предварительно вырубил.

– Ясненько...

– Очень рада.

Чтобы скрыть смущение, я неловко закурил и тут же, спохватившись, снова широко раскрыл пачку. Сначала ее проигнорировали, но потом, унюхав сладкий аромат «Золотого руна», не вытерпели и вытянули одну штучку.

В этот миг наверху загремело: там неистово лупили, колошматили и гваздали железом по железу. Заткнув совсем по-уличному папируску за ушко, Грация выпорхнула из комнатки, не оглянувшись.

Серьезно расстроена, но виду не показывает. Уж лучше бы дулась или брюзжала.

На втором этаже обстановка была до одури душной, удушающе дымной и дико дребезжащей. Долбили наши ремонтники по несчастной запорной арматуре с таким остервенением, что даже лестничная площадка содрогалась. Самим работникам приходилось ой как несладко, ибо трудились они в эпицентре созданного ими звукового апокалипсиса.

Пришлось вдавить кулаки в уши, но это помогло мало: громозвон перешел в громогул и только. Зато я получил хорошее представление о том, какого рода наказанию подверг Зевс мятежного Асклепия...

Наконец, Филиппий и Аркадий почти одновременно выпустили кувалды из рук и уставились друг на друга, тяжело сопя. Немного восстановив дыхание, они взялись за искривленные лома с приваренными к ним рукоятями.

Скрип... скрежет... сочные высказывания в поддержку совместных усилий повернуть... Долгая пауза – и единодушный вердикт после обоюдного сплевывания на пол:

– Задвижке – трюндец.

– Полный и окончательный.

Последнее определение, выданное прыгнувшим с бочкообразного корпуса Арбузием, помимо трагической категоричности имело еще и прескверную для нас перспективу неизбежной встречи с Балбусом-заикой.

– Перейдем на другой водоподогреватель? – не подумав, предложил я. Гаммий в ответ показал кукиш, а затем покрутил им у виска, и мне пришлось молча согласиться с тем, что язык жестов зачастую бывает и короче, и выразительнее языка словесного. Всего лишь двумя движениями бригадир ответил на вопрос и вдобавок оценил мои умственные способности...

– Между прочим, Леонтиск сказал вовсе не глупость! – Грациелла неожиданно пришла мне на помощь. – Поскольку паропровод у нас общий, то надо всего лишь отблинить неисправную задвижку! И потом спокойно переходить!

– Предложение, в принципе, верное, но неосуществимое при нынешних условиях хозяйствования в Империи, – объяснение появившегося из-за моей спины Центавруса, как всегда, отличалось глобальностью. – «Блин» такого размера – штука редкая, и у нас его нет наверняка. А в «А-Дэ-эСе» нету точно. Да и по району еще поискать надо!

– И кроме того, эта работеночка не на пять минут и не на десять, – заключил бригадир и тоже сиганул вниз. Подошел к Грации и попытался развязно обхватить ее за талию – к моему удивлению, от этого не уклонились. На обычный в подобных случаях издевательский вопросик: «И как же ты, такая слабенькая на вид, сумела безнадежно поломать идеально исправное оборудование?!» преспокойно ответили:

– Это последствие чрезмерного употребления скверных горячительных напитков, о Фил! Очищенная политуточка, тройной одеколончик, туалетная водичка... Вот скоро скорешусь

со спиртиком – тогда еще и не то увидите! А теперь чао! Я пошла вызывать летучую группу технической поддержки.

– Так Самсоний же просил!

– Знать ничего не знаю и ведать ничего не ведаю. Я – насквозь порочное, ленивое, легкомысленное существо, которое только и делает, что пакостит, пакостит, пакостит...

С этими словами девушка ловко вывинтилась из гаммиевских объятий и загремела пятками по лесенке. Филиппий с преувеличенной озабоченностью потер запястье и, прищурившись, поглядел на меня:

– Представь себе, ущипнула да как больно! Кстати, из-за чего у вас размолвка?

– Тебе же только что всё подробно объяснили, – рассеянно молвил я. – Оба активно занимаемся приятным делом, то бишь винопитием, но как-то порознь, порознь... Шли бы вы, парни, собираться, а? Конечно, «летучая поддержка» обычно приползает после сигнала не ранее, чем через часик, но ведь бывают исключения!

– Увесистый довод. Да, не повезло тебе. Так хорошо посидели, теперь бы отбой, а вместо этого – облом.

– Не впервой, сам знаешь...

– ...да и не в десятый. стакан на посошок, накрытый бутербродом, я оставлю в нашей душевой на полочке для мыла. Там никто не найдет. Смотри, не опрокинь ненароком – полка очень шаткая!

Опрокинуть-то как раз и не помешает. Во внутрь. Вот лишь когда? И в каком настроении?

Оставшись в одиночестве, я обвел грустным взглядом огромные, плохо освещенные площади второго этажа, заполненные уродливым нагромождением труб всевозможных диаметров в ободранной теплоизоляции, и заскучал. Зачем-то залез гимнастическим способом на бойлер и тоже подергал зверски избитую задвижку. С протяжным стоном она подалась вправо-влево на пару дюймов, но и только.

И на что положительное мы надеемся при подобном отношении к вещам, подумалось мне. Ну, к человеку ладно: ему всегда найдется, за что врезать, но так изгаляться над бессловесными творениями рук своих и чужих... Откровенно же напрашиваемся на неприятности! Причем не поддающиеся логическому просчитыванию.

Элегантно высморкавшись при помощи указательных пальцев, попеременно прижимаемым к ноздрям, я вместо несолидного и опасного для моей больной ноги прыжка вниз решил воспользоваться постепенным спусканием по швеллерам и железным скобам. Первый этап прошел без осложнений: обогнув выпуклую торцевую крышку, размером с колодезную, я изловчился и перекинул тело в узкое пространство между двумя водоподогревателями – действующим и запасным. Но до второго этапа дело не дошло: проход к противоположному конечному торцу оказался невозможен ввиду не известно зачем установленной посередине металлической крестовины.

Чертыхнувшись, я вскинул руки и ухватился за нечто гнущее и горячее, нависшее сверху. Не без усилий подтянулся и втиснулся в тесное сплетение ржавых реек, узких трубочек и толстой проволоки. Внизу что-то заскрипело и переместилось.

Потыкавшись наугад, я с трудом сумел высунуть наружу голову – плечи уже не лезли. Повозил туда-сюда ногами, но прохода внизу не было: его полностью закрыл выдвинувшийся откуда-то сбоку стальной лист неправильной формы.

Я почти не мог шевелиться. Напряг мускулы, но без толку: зажим вокруг шеи не поддавался.

Прямо передо мной, на расстоянии не выше фута, черной, прокопченной громадой торчала сломанная задвижка. Внезапно меж ее фланцев с шипением вырвались струйки пара и жгуче прошлись по моей физиономии.

Я ощутил себя троянским Лаокооном в губительных змеиных объятиях. Хотел было перекреститься, но не смог донести щепоть пальцев до лба.

Ну и ситуация-ситуёвина... И какого чёрта меня сюда занесло?

Пар вновь обжег лицо. Гораздо чувствительнее, зараза!

Я попробовал скорчиться – со второй попытки получилось, хотя бедный халат затрещал и по швам, и кроме. Кругом дышал густым жаром каленый металл, в зыбкой полутьме это дыхание казалось почти видимым.

Крестианский ад... вернее, преддверие в него.

Сердце начало покалывать, перед глазами всё поплыло, и виски заломило нестерпимо. Так, наверное, и бывает: неожиданный инфаркт – и в следующее мгновение уже извиваешься на раскаленной сковородке, а снизу рогатые и хвостатые дровишки подбрасывают. Дабы очередная закуска к грандиозному застолью под названием «Страшный Суд» как следует прожарилась...

На редкость точное определение. Для основного блюда ты не годишься.

Я вздрогнул. Эта чужая безмолвная фраза возникла в моем сознании с такой невероятной отчетливостью, что исключало всякое подозрение на посталкогольный синдром.

На стене напротив вспыхнули две яркие точки и через миг оформились в пронзительные зеленые зрачки. Контуры женского лица проступили менее разборчиво: бледная маска, намеченная ломаными светящимися штрихами.

Мальчик, ты заигрался. Еще не безнадежно, однако слишком опасно.

Головная боль усилилась и толчками запульсировала в затылке. Я сжал его обеими ладонями и съезжился в комок, стараясь не смотреть, – тщетно! Отчаянно зажмурился, но каким-то непостижимым образом продолжал видеть.

Чтобы вернуться в реальность, достаточно сделать четыре движения двумя или тремя пальцами – по вертикали и по горизонтали. Как тебе и хотелось. Я не буду этому препятствовать.

Всего четыре пасса в самом распространенном по Аристотелю измерении – и вот он, новый мир. А что останется по ту сторону?

...Знойное лето, древний орфический храм с массивными колоннами на берегу сонного, мутного залива... высокое палевое небо в легких мазках перистых облаков. Бесконечная надмирная тишина, цепко вбирающая в себя и редкий плеск волны, и случайный вскрик птицы. Надежда, что в святилище по-прежнему живет Богиня; гадание долгими синими вечерами, в какую из земных девушек, проходящих по галерее в венках из полевых цветов, она сегодня воплотилась... Ненужные миражи, ослабляющие мужскую волю.

Всего четыре пасса...

Я сплел пальцы за головой, как можно крепче.

Польщена. Только потом не пожалей о содеянном. Проволочный каркас за твоей спиной нетрудно сдвинуть вправо.

Не сразу удалось сообразить, какой рукой удобнее это сделать.

...Когда я, наконец, спустился на первый этаж, то мой внешний вид настолько потряс Грациэллу, что она позабыла об испорченном не без моей помощи настроении и даже не стала задавать вопросы. И лишь после того, как ее незадачливый напарник полностью переоделся, девушка осмелилась на осторожное замечание:

– Лео, твои халатики не стирались вот уже две смены. Помочь?

Она наивно заблуждалась – на самом деле я не приводил в порядок свою спецодежку не меньше трех недель. Бурные события последнего месяца осени, как ни странно, основательно притупили обычно столь отточенное лезвие моего самоконтроля. Вернее, оно временно перестало быть обоюдоострым.

– Спасибо, сам справлюсь, – смущенно пробурчал я. – Вот сразу нынче утречком, то есть завтра. Доведу до состояния голубой белизны. Или белой голубизны... С душистым мылом и качественным порошком. Ежели не всё еще израсходовал.

– У меня есть и то, и это! А кроме того, очень хороший триполитанский отбеливатель! Надо лишь заранее замочить испачканное. Ты пока проверь наведенный мной порядок, а я живенько выполню начальную стадию постирушки. Тебе наутро останется простая физическая работа!

– Если можно, в женской душевой! – я поспешно прокричал ей вслед. – Там... там смеситель лучше!

– Правда? Не замечала. Ладно, значит, у нас.

Интересно, моя морда покраснела хоть чуть-чуть? Или уже привыкла к постоянному вранью? Скорее, второе.

Придирчивый осмотр нашего отопительного хозяйства показал, что за время моих дурацких злоключений Грация потрудилась на славу. Всё, самое ценное, запрятали в укромные уголки; бесчисленное ремонтническое барахло тщательно протерли и отряхнули, чем привели в пристойный для барахла вид; пол подмели, по меньшей мере, дважды – жестким и мягким вениками; нашу операторскую буквально вылизали до блеска. Титу Гнутию Балбусу практически не к чему было придраться!

3

Тут я ошибся.

Первое, что сделало появившееся вскоре у входа толстое, надменное существо мужского пола, облаченное в тяжелый кожаный плащ до пят цвета сырого тумана, – это нагнулось (сколь получилось, конечно), длинно мазнуло пальцем в перчатке по какой-то трубе, всмотрелось во взятую для визуального анализа пробу и драматически воскликнуло:

– Да мы, кажется, обнаружили... пыль!

После небольшой паузы я медленно повторил его наклон, но в другом направлении: к нижней широкой окантовке балбусового плаща. Провел по ней рукою, поднес ладонь поближе к глазам и с огорчением подтвердил:

– Она самая.

От подобной неслыханной дерзости господин Гнутый порядком оторопел и остался стоять с поднятой к багровому носу дланью, вдобавок заслонив своей серой тушей почти весь дверной проем. Толпившиеся за ним подчиненные не осмелились потревожить внезапный ступор своего начальства и лишь нестройно галдели за его окаменевшей спиной.

Мне пришлось взять инициативу на себя и любезным тоном предложить войти.

Балбус втянул губы, затем выпучил. Издал с их помощью громкое: «М-м-м-м-м-да-а!» – ввиду натужного заикания мычащие согласные звуки намного превзошли по длительности гласное аканье. Сделал большой шаг вперед, резко остановился. Вперился в меня грозным взглядом трактирщика, подозревающего сильно пьющего клиента в неплатежеспособности.

Поскольку негодный клиент почему-то не затрепетал от священного ужаса, в его сторону вытянули шею и шумно всосали ноздрями воздух. После чего зловеще прошипели:

– Мы чувствуем запах свежего перегара!

У меня на языке так и вертелись хорошие словечки для достойного ответа, но я промолчал. Как выяснилось, это тоже было ошибкой, ибо Тит немедленно перешел в наступление и за минуту вызаякал следующую фразу:

– М-м-м-молодой человек, я м-м-м-могу подать на вас ры-ры-ры... ра-ра-ра... Рр-рапорт!

– Ваше право, – вежливо согласился я, – но тогда извольте действовать строго по всей форме! Вызывайте подменного оператора, дежурный медицинский патруль и проводите официальное освидетельствование. Если оно не подтвердит наличие спирта в моей крови, то вам придется принести мне публичное извинение.

Несмотря на столь наглый блеф, я ничем не рисковал, ибо понимал, что Балбус не решится привести угрозу в исполнение. По причине, которую вкрадчиво озвучила неслышно подкрававшаяся к нам Грациэлла:

– Господин Гнутий, а господин Гнутий... Позвольте заметить, что ваши люди едва держатся на ногах!

Тит уставился сначала на нее (оскорбленно), затем на своих пятерых мужчин – изучающе. Собственно говоря, изучать там было нечего: brave «аварийные» молодцы все до единого находились в состоянии алкогольного опьянения средней степени тяжести. Привычном, как их промасленные комбинезоны.

– Ничего удивительного, – изрек, наконец, Балбус. – Мои люди устали! Они не рассиживают сутками на мягких диванах, как некоторые, а непрерывно двигаются! Приходят на помощь вот к таким, нерадивым, и в зной, и в холод! Климентий, сколько у нас сегодня было вызовов?

– И не сосчитаешь, начальничек, – старательно проговаривая каждый слог, ответил вислоусый опухший Климентий, моргая глазами, как заведенный. – Бригада прямо нарасхват! И на севере нужны, и на юге. И на востоке, и на западе...

Добросовестно перечислив основные стороны света, он попытался вспомнить дополнительные, не смог и заткнулся. Тит удовлетворенно покивал:

– Надеюсь, теперь в-в-в-вам всё понятно? Ну-с, ладно. С этим развязным юношей мы еще побеседуем при случае, а гры-гры-гры... Гр-ригорию Саблюнию на планерке непременно поставим на вид. Эй, парни! Живо проведите ры-ры-ры... рр-рыкогносцировку и займитесь делом! За старшего Парфений!

Пошатываясь и спотыкаясь, парни вяло разбрелись по весьма извилистым маршрутам. «Рекогносцировка по-гнутиевски» означала осмотр помещения на предмет выявления всего, что плохо лежит, с последующим незаметным утаскиванием. Судя по спокойному лицу Грации, на мало-мальски ценный улов ремонтным воришкам рассчитывать не приходилось.

Хотя, с другой стороны, очень даже возможно, что столь необходимый нам «блин» они спёрли из отопительного центра на улице Бутомия или на Юго-Западной – в итоге получается вполне логичный круговорот ворованных запчастей в городском хозяйстве. А украденное у нас поможет починить систему где-нибудь еще...

Балбус, потерявший ко мне интерес, принялся вовсю разглядывать наших дам, одна из которых весьма искусно строила из себя пай-девочку, а другая – пай-тетеньку. Снисходительно потрепав двумя пальцами Грациэлла по вспыхнувшей щечке, Тит переключил свое внимание на тихо стоявшую у фильтров Шурейру и поинтересовался, почему у той не обеспечено освещение солевого приямка.

Шушечка сразу же залопотала, запричитала, заныла... С несвойственной ей плаксивостью она принялась столь заунывно и нудно жаловаться на качество светильников в частности

и на отсутствие их на складе вообще, что на нее замахали руками. Дождавшись тишины, двинулись было осматривать владения аппаратчицы, но в темноте одной ногой вляпались в мазутное пятно, другой запутались в проводах от агрегата для соединений-разъединений и поспешно вернулись на исходную позицию. К операторской.

– Почтеннейший Балбус, не желаете ли испить свежего чая? – (просто невероятно, как быстро мученические интонации в голосе Шурейры изменились на медовые!) – В лаборантской всё давно готово. Там и светло, и тепло, и прибрано!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.